

ТРАГЕДИЯ

В КРЕПОСТИ
САГАЛЛО

ЮРИЙ
Пахомов

Юрий Николаевич Пахомов
Трагедия в крепости
Сагалло (сборник)
Серия «Миссия выполнима»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42540586

Трагедия в крепости Сагалло:

ISBN 978-5-4484-7809-3

Аннотация

В новую книгу известного писателя Юрия Пахомова вошли пять повестей. Читателям предстоит совершить путешествие по современной, беспокойной Африке, вместе с первопроходцем в Абиссинию (Эфиопию) вольным атаманом Николаем Ашиновым принять участие в экспедиции в Таджурский залив, узнать о загадочной болезни сигуатера и, наконец, оказаться среди малоизученного племени болотных людей в Центральной Африке.

В книге использованы документальные материалы о первых русских экспедициях в Юго-Восточную Африку, об участии советских военных специалистов в сомалийско-эфиопском конфликте, ликвидации эпидемических очагов тропических болезней среди аборигенов и оказании помощи пострадавшим на дрейфующем судне в Индийском океане.

Юрий Пахомов (Носов Юрий Николаевич) – в прошлом военный врач, главный эпидемиолог ВМФ страны, автор тридцати книг, лауреат международных и всероссийских премий: «Москва – Пенне» (Италия – Россия), «Правда в море» (США – Россия), имени Валентина Пикуля, имени Ивана Бунина, «Прохоровское поле», «Имперская культура» имени Эдуарда Володина, имени Константина Симонова и др. На международном славянском форуме «Золотой витязь» творчество Юрия Пахомова было отмечено серебряным дипломом.

Содержание

Среди болотных людей	6
1	6
2	10
3	17
4	20
5	25
6	34
7	38
8	47
9	52
10	58
11	66
12	74
13	78
14	85
Гражданин мира	92
1	92
2	101
3	113
4	130
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Юрий Пахомов

Трагедия в

крепости Сагалло

© Пахомов Ю., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Среди болотных людей

1

Я сидел на табурете у стойки и перелистывал «Нью-Йорк таймс». Газетами я успел запастись во время пересадки в Каире. Мир, как обычно, трещал по швам: войны, теракты, перевороты, экологические катастрофы, извержения, наводнения. На этот раз все внимание было уделено болезни АИДС или СПИД. Крупным планом портрет доктора Монтанье, выделившего вирус, вызывающий болезнь. С Монтанье я знаком, не раз встречался в институте Пастера в Париже на разных конгрессах и симпозиумах.

Сенсация – голливудские актеры отказываются сниматься в фильмах, где есть сцены с поцелуями – вирус СПИД якобы обнаружен в слюне. Священник из Филадельфии утверждает, что СПИД – кара Господня, которую Бог насылает на адамово племя за разврат. Названа точная дата конца света.

Если предсказание сбудется, я не успею отгулять очередной отпуск.

– Что-нибудь опять пишут об этой ужасной болезни, сэр? – спросил бармен. – Говорят, что СПИДом болеют наркоманы и гомосексуалисты.

Бармен принадлежит к народу луо. Луо своим юношам

удаляют два зуба на нижней челюсти, считая, что так красивее. В конце концов, это их дело.

В баре столичного аэропорта я был единственным белым, и бармен, по-видимому, считал необходимым меня развлечь. Английским он владел вполне сносно.

– Должен вас огорчить, болеют и женщины, и даже дети.

– О-о! – Бармен со страхом уставился на меня. – Еще джин?

– Благодарю, лучше кофе. Я слышал, у вас превосходный кофе.

Эту чепуху я повторяю в каждом баре во время поездок по Африке. Действует безотказно. Африканцы на редкость честолюбивы: если вождь, то великий или самый великий, бык – самый быстрый, танцор – лучший в мире.

И без того круглое лицо бармена еще больше расплывается от удовольствия.

– О да, сэр, кофе с плантациям Нгоронгоро. Лучший в мире кофе.

В прошлом году я пересек на автомобиле кратер вулкана Нгоронгоро. Кофе там, на вулканических почвах, действительно вырастает отличный. Арабика.

...Снимок вируса СПИД. Превосходная работа японских коллег. Что делает сенсация! СПИДом болеют пока несколько тысяч человек, а ежегодно от тропической малярии умирают сотни тысяч, от голода – еще больше. И ничего, обычное дело. Но СПИД – сенсация, человечество напугано неот-

вратимостью исхода.

Провидение лишает человека естественной защиты. Конечно, тут не обходится без дьявола, утверждает священник из Филадельфии. Конец двадцатого века, человек на Луне, с помощью генной инженерии можно сделать что угодно. Парадокс. Чем этот святоша дальше ушел от скотовода-масая из Кении, который верит в тотем и пьет молоко пополам со свежей коровьей кровью?

Я закурил, прислушиваясь к шелесту пальмовых листьев. Под крышей ворковала лесная горлинка.

– Как кофе, сэр?

– Превосходен.

Бармен светится от удовольствия. Но в его глазах вспыхивают и гаснут искорки пристального интереса. Нередко такие типы сотрудничают с Интерполом или службами безопасности. Любопытно, что он обо мне думает? Важный международный чиновник... Что ж, на мне светлый костюм, сшитый в Лозанне, галстук как раз нужных тонов, дорогой атташе-кейс, на руке часы солидной швейцарской фирмы. Принимает, скорее всего, за англичанина. Я белобрыс, довольно высок ростом. К тому же ношу пышные рыжие усы. Если бы сейчас меня увидел мой дед, охотник-промысловик Никифор Федорович Еремин, он бы с досадой плюнул мне под ноги. Когда в шестьдесят третьем я на перекладных добрался до родной деревни Онорино, дед хмуро оглядел меня и спросил с издевкой: «Што, Степка, в исподниках-то спод-

ручней ходить?» Я пытался объяснить, что на мне не кальсоны, а джинсы, да к тому же фирменные, дед сердито кашлял и ворчал: «Однако верно, от долгов в таких штанах бегать сподручнее».

То, что я стал врачом, дед еще пережил. «Доктор – дело хорошее». Но он никак не мог взять в толк, почему я не лечу людей, а шастаю по тайге, ловлю полевых мышей и собираю с них клещей и всякую нечисть. Когда я поступил в аспирантуру, он окончательно махнул на меня рукой, полагая, что род Ереминых – охотников и звероловов – кончился, коли единственный внук, последнее семя, уехал в Москву, поменяв мужскую работу на баловство. Дед Никифор почему-то считал, что я буду ходить по квартирам и травить мышей.

2

– Мистер Эрмин, самолет будет готов через двадцать минут. – Чиновник аэропорта был сама предупредительность.

– Благодарю вас, позаботьтесь о моих чемоданах, а главное – о контейнерах с медикаментами.

На этого парня, видимо, произвел впечатление мой голубенький ооновский паспорт. «Доктор Стефан Эрмин, эксперт ВОЗ». Звучит солидно.

Паспорт ООН – серьезная рекомендация.

Несколько дней назад я еще не предполагал, что мне придется лететь в Центральную Африку. Варя была уже в Москве, а я должен был отправиться в отпуск в ближайшую субботу. Когда зазвонил телефон, я сидел в своем кабинете и пытался вникнуть в сухой текст отчета, присланного из Танзании. На столе лежал билет на самолет до Москвы, и это мешало мне сосредоточиться.

– Мсье Эрмин?

Голос секретарши патрона невозможно спутать: низкий, с хрипотцой, наполненный теплотой.

– Да, это я, Люси.

– Вы не могли бы в шестнадцать быть у патрона?

– Разумеется, Люси. Что-нибудь стряслось?

– Приходите пораньше, Стефан, поболтаем. – Секретарша

засмеялась и положила трубку.

У нас с Люси давно сложились приятельские отношения, но в офисе все были убеждены, что мы любовники. И я, и Люси при случае подыгрывали друг другу. Особенно, если в приемной кто-нибудь находился.

Ровно в шестнадцать я сидел напротив профессора Чарльза Соумса и читал телеграмму, стараясь сохранить на лице невозмутимое выражение. Я даже улыбнулся, вспомнив, какая физиономия была у дамы из одного миссионерского общества, когда Люси сказала мне: «Ах, Стефан, я дерево, которое уже не нужно трясти. Яблоко упало, его нужно только поднять».

Соумс, худой, с желтым лицом, на котором самым примечательным были рыжие брови, каждая величиной со щетку для мытья рук, посмотрел на меня поверх очков и, пошевелив бровями, сердито сказал:

– Вы делаете не ту карьеру, Стефан. Театр потерял талантливого актера. Какого черта вы ломаете комедию и делаете вид, что телеграмма вам очень нравится?

– Моя работа, Чарльз. Вы знаете, я веду программу с самого начала. – Наедине мы называли друг друга по именам. У нас были для этого некоторые основания: пять лет назад, в Заире, Соумс ухитрился подхватить лихорадку, которую вирусологи потом так и не смогли расшифровать. Мы остались с ним в палатке, а «лендровер» с экспертами укатил дальше. Двое суток я отхаживал Соумса, который в бреду

так ругался, что переставали скулить гиены, а где-то рядом укоризненно вздыхал слон. Похоже, послушать профессора собрались все обитатели буша. За нами прислали вертолет, но Соумс впал в буйство, и его пришлось связать.

– Ваша работа... – Соумс почесал карандашом кончик носа. – Значит, вы все-таки летите? Имейте в виду, я не дам вам помощников. Какой сумасшедший согласится лететь в это адово место, да еще накануне сухого сезона? Придется рассчитывать на местные силы. Кстати, национальным институтом Пастера в Омо руководит доктор Джозеф Торото, и дело у него поставлено неплохо.

– Видите, как все просто.

Соумс неопределенно хмыкнул.

– Простите, Чарльз, все забываю вас спросить, где вы научились так ругаться?

– Ругаться?

– За те два дня в буше я наслушался такой ругани... Специально изучаете?

Соумс неожиданно рассмеялся. Улыбка не молодила, а старила его. Может, потому он так редко смеялся?

– В юности я три года проплавал матросом. Зарабатывал деньги на колледж. Так что, Стефан?

– Лечу.

Соумс нажал на кнопку селектора.

– Люси, я знаю ваше отношение к месье Эрмину...

Послышался загадочный шорох, потом томный вздох: «О

шеф, вы жестокий человек...»

– Так вот, закажите ему билет на Ампалу... Гм-м. На субботу. Он как раз в субботу собирался улететь в Москву в отпуск, так зачем его лишать хотя бы иллюзий?

Соумс отключил селектор, выпрямился в кресле.

– Впредь будете знать, как разговаривать с патроном. Так-то. Да, Стефан, известно ли вам, кто в Омо работает региональным экспертом? Программа шистосоматоза.

– Понятия не имею.

– Барри Дэвис.

– Старина Дэвис?

– Именно. Там вам не будет скучно.

– Мир тесен. Я познакомился с Барри в Гвинее. Потом были Конго, Кения... Сколько же я его не видел?

Соумс встал и протянул руку.

– Ну, счастливо, Стефан. Только будьте осторожны. Обстановка в районе Омо сложная, среди племен гачига волнения. Если верить газетам, были случаи нападения на туристов.

– Пожелайте мне ни пуха ни пера.

Соумс пожелал.

– Идите к черту!

– Что? – Соумс от неожиданности выронил карандаш.

– Так у нас, у русских, принято отвечать. Иначе не будет успеха в деле.

В приемной я поцеловал Люси руку.

– Храни вас Бог, Стефан.

– С Богом у меня долгосрочный контракт. Плюс страховка. А это вам. – Я протянул Люси миниатюрную матрешку, в которую чудом помещались еще две поменьше.

– Благодарю, очень мило. Когда будет готов паспорт, билеты и сопроводительные письма, я позвоню. Хотя мне очень не хочется, чтобы вы уезжали.

Я подошел к окну: капли дождя прочерчивали оконное стекло.

Телеграмма, подписанная министром национального здравоохранения республики, составлена квалифицированно. Правда, несколько категорично. Суть: в мае 197... года в восьмидесяти милях от города Омо, среди людей племени гачига возникла эпидемия геморрагической лихорадки. Заболеванию людей предшествовала эпизоотия среди скота. По клинике – типичная лихорадка Рифт-Валли. Типичная... Нужны серьезные основания, чтобы утверждать это. Геморрагические лихорадки – моя область, я занимаюсь ими без малого четверть века, еще с Сибири, и потому привык к сдержанным оценкам.

Мы связаны с республикой проектом борьбы с лихорадками. Работы ведутся несколько лет. К тому же момент удачный – наконец удалось получить вакцину. Испытания ее на волонтерах в клинике дали обнадеживающие результаты. Вакцину я испытал и на себе. Так что вреда она не принесет. А шанс спасти гачига достаточно высок. Какой уж тут

отпуск?

Ситуация между тем в племени гачига (болотных людей) складывалась довольно острая. По предварительным данным, восемьдесят человек погибли, причем в основном дети. Не исключена угроза распространения эпидемии на соседние районы...

Вид из окна меня развлек. Я люблю Женеву, но сейчас мне почему-то было неприятно смотреть на чистые, отмытые дождем улицы. В середине мая в Москве не топят. А весна нынче не балует. Варя одна в пустой, холодной квартире. Да, известие, что отпуск мой временно откладывается, ее, конечно, не обрадует, придется что-то придумать. Ложь во спасение. Одно хорошо, удастся повидаться с Барри и Кристиной. А может, мы вместе отправимся к гачига в гости? Кстати, нужно собрать о гачига хотя бы элементарную информацию: нравы, быт, социальная организация. Эпидемиолог не может не интересоваться этнографией. Без знания жизни народа, его обычаев, верований невозможно изучить механизм передачи инфекции.

Если бы известный американский исследователь Картон Гайдушек не обратил внимания на бамбуковые палочки, которыми фори – аборигены Новой Гвинеи – лакомились после похорон родственников, тайна болезни «куру» так и осталась бы нераскрытой.

Оказывается, в бамбуковых палочках запекался мозг умершего, зараженного вирусом «куру», или, как его назы-

вают – «смеющейся болезни». Больной, что называется, с хохотом отходил на тот свет. Палочки с мозгом ели не из-за гастрономической извращенности – таким способом они собирались сохранить информацию, накопленную соплеменником за свою жизнь. Интересно, нет ли таких «милых» обычаев у гачига?

О Центральной и Восточной Африке я перечитал груды книг, были среди них и солидные исследования, и даже романы о кровожадных кочевниках – масаях. Но я никогда не слышал о народе гачига, населяющем глухой район на северо-западе от Великих озер.

3

В отпуск мы с Варей решили съездить в родную деревню Онорино. Я там не был лет десять, Варя вообще никогда не была. Так тянуло в родные места – спасу нет.

И когда решение было принято, я потерял покой. Сниться стали дорога, Онорино, дедовская изба, речка Турунгас.

Нет уже избы, да и деревни тоже нет. Слились мелкие деревеньки в село Отирка, а дальняя родня, что наезжает в Москву, переселилась в поселок Пихтовое на лесоучастке.

Дед рассказывал: деревню основал вятский крестьянин Онорин в конце девятнадцатого века. Дед и бабка тоже вятские, из первых таежных переселенцев. К моему рождению в Онорине стояло двадцать домов, и была начальная школа. Чтобы учиться дальше, мне после четвертого класса пришлось ходить в Имшегал десять километров тайгой, а потом перебраться в поселок Васисс – там школа-десятилетка, больница, клуб, электричество.

В Онорине электричество появилось только в начале шестидесятых годов. Дико звучит, но факт. При керосиновой лампе сидели, а то и при коптилке. Самый ближайший город – Тары, пятьдесят верст тайгой, по бездорожью.

Пароход я впервые увидел восемнадцати лет, когда ехал поступать в медицинский институт. Но ни пароход, ни Омск меня особенно не поразили – паренек я был начитанный.

Больше всего удивил асфальт. После таежных троп да буграков не верилось, что дорога может быть такая ровная.

Мог ли я тогда предположить, что стану доктором наук, профессором, экспертом ВОЗ, что после нескольких лет работы в различных странах Африки обоснуюсь в штаб-квартире в Женеве?

Кажется, у американцев есть такая поговорка: «Человек, сделавший себя». Чепуха. Надо мной потрудились десятки людей, и в своем сиротстве я рано понял цену людского добра. Отца не помню, его убили в сорок первом под Москвой. Мама погибла на лесоповале – ушибло комлем упавшего дерева. Мне и десяти тогда не было. Вот и остались мы с дедом, два мужика – старый да малый.

С того времени начались мои хождения по родне, из избы в избу. Дед-охотник в тайге на промысле, я месяцок у двоюродного дядьки поживу, а там, глядишь, и к совсем чужим людям переберусь. Связка книг, узелок с тряпьем – вся недолга. Миром меня на ноги ставили.

В суматошной моей жизни отошла деревня Онорино на задний план, словно дожидаясь своего часа. И вот этот час настал. С нетерпением ожидал я, как сяду в Москве на самолет до Омска. От Омска до Тар – на «Метеоре». Ну а до Онорино, то бишь села Отирки – пятьдесят верст. Два раза в день автобус ходит. Но рассчитывать на него – значит не знать наших сибирских дорог. Опытный человек любому транспорту рад: самосвал ли, лесовоз на гусеничной тяге, бульдозер –

словом, все, что способно перемещаться в пространстве, насыщенный увалами, колдобинами да колеями. И вот поездку в родные места приходится отложить на неопределенное время...

4

Когда два-три раза в году бываешь в Африке, к поездкам вырабатывается что-то вроде иммунитета. Едва я оказался в кресле «боинга» или «каравеллы», как тут же впадаю в анабиоз.

На этот раз полет был примечательным разве что изжогой. Компания «Эйр-франс» решила удивить пассажиров экзотической кухней, на обед подали вареную кукурузу с ломтиками перца под соусом. Действие соуса не смогли нейтрализовать две бутылки содовой.

В столицу республики Амपालа я прилетел в полдень. И сейчас, после чашки кофе, испытывал чувство, которое с известными натяжками можно было назвать «приливом энергии».

Теперь общительному бармену непременно хотелось узнать, что сделать, чтобы ему не заразиться СПИДом. Посоветуй я ему принять мусульманство или иудаизм, он бы, наверное, серьезно задумался. Паника – страшная штука.

До города Омо можно добраться на автомобиле. Но после ливней дороги в буше размыло, и президент выделил в мое распоряжение самолет.

– Хелло, мистер Эрмин?!

– Да, это я.

Ко мне подошел светловолосый толстяк в голубом комби-

незоне – вылитый Гаргантюа с иллюстраций Доре, – протянул руку.

– Майкл Грим, сэр. Пилот. Имею приказ доставить вас в Омо.

– Отлично.

– Груз есть, сэр?

– Термоконтэйнер с медикаментами, чемоданы, пара коробок. Вон они, у стойки. Много?

– Чепуха. Эй вы, – крикнул пилот двум боям, стоявшим возле дверей, – волоките чемоданы к самолету! Да осторожнее, в том контэйнере атомная бомба. – Грим захохотал и удалился.

Я ожидал увидеть крошечный моноплан, который обслуживает богатых туристов в национальных парках. Канадский «турботраш» выглядел вполне внушительно.

Майкл Грим молчал ровно столько, сколько понадобилось, чтобы поднять самолет в воздух. Когда мы взлетели, его язык заработал вовсю. Первым делом Майкл сообщил, что женат, имеет двух детей, семья, естественно, в Канаде. А что им делать в этом проклятом месте? Сам он в Африке третий год, сначала был частным пилотом у одного миллионера-португальца, катал его черных девок. Отличная была работенка. Но потом миллионеру дали под зад, и ему, Гриму, приходится теперь травить мошек и опылять плантации.

Скосив на меня глаза-пуговицы, он вдруг добродушно поинтересовался, не еврей ли я.

– Нет.

– Поляк?

– Русский.

– Самый настоящий?

– А какие еще бывают?

– В Канаде со мной по соседству живут русские. Они никогда не были в России. А вы, сэр?

– Я из Сибири.

– О-о! – Он уставился на меня с таким изумлением, словно я у него на глазах оброс медвежьей шерстью.

– И зачем вам понадобилось лететь в Омо? В этой дыре малярия, комары и скука.

– Среди местных племен эпидемия лихорадки.

– Вы собираетесь лечить туземцев?

Я кивнул.

Майкл Грим презрительно выпятил нижнюю губу. Человек родом из Сибири, который лечит туземцев, недостойн внимания, даже если за ним сам президент присылает самолет. Хорошо, что я не сказал ему, что я эпидемиолог.

Порой мне кажется, что моя профессия куда более понятна воину из народности карамоджо, чем такому вот относительно цивилизованному человеку. Для карамоджо я – человек, изгоняющий злых духов. Это метафора, но смысл довольно точный. Спросите Майкла Грима, что такое вирус, и он начнет мямлить несусветную чушь.

Обычно, когда я называю свою профессию, собеседник

поглядывает на меня с подозрением – не разыгрываю ли его? От слова «эпидемиолог» веет минувшими столетиями и дымом костров, на которых сжигали трупы погибших от чумы. А что делаю я в наше благополучное время? И несколько успокаивается, когда объясняю, что работаю в Африке.

Пишут об эпидемиологах редко. В газетах дают интервью кто угодно: футболисты, доярки, ортопеды, хореографы, сыщики, эстрадные дивы, звезды цирка – несть числа. Но эпидемиологов среди них нет. По-видимому, редакторы считают, что публиковать материалы о моих коллегах столь же неэтично, как и рассказы из жизни директоров кладбищ. А жаль. Наивный технократ, воспитанный на чтении научной фантастики, полагает, что сенсации возможны лишь в ядерной физике, кибернетике, на худой конец – в органической химии. И ему невдомек, что открытия в биологии – те, что уже сделаны, но особенно те, на пороге которых мы стоим, – явления почти иррационального порядка, от которых отдает чертовщиной.

Многие ли, например, знают об ариновирусах, открытых в конце шестидесятых годов? О лихорадке эбола, смертность от которой превышает семьдесят процентов? В Судане, в одном из госпиталей из семидесяти шести врачей, сестер и санитаров, заразившихся от больных, от этой лихорадки погибло сорок человек. И это не середина девятнадцатого столетия, а семидесятые годы нынешнего!

А что происходит в современной иммунологии или ген-

ной инженерии? Помню, как лет двадцать назад меня потрясло зрелище: микроб, разрезанный, как колбаса. А сейчас святая святых – гены режут на кубики, переставляют их как заблагорассудится, не зная точно, что может получиться из этого, и не родится ли таким образом вирус, который уничтожит все живое?

Вспугнутые гулом мотора, нелепыми скачками удирали жирафы. Какой-то полоумный буйвол погнался за тенью самолета. У небольшого озерца замерло стадо слонов.

Над самолетом пронесся здоровенный гриф. Из-за этой несимпатичной птички погиб молодой Гржимек, один из наиболее ярких исследователей современной Африки. Гриф врезался в его самолет, словно ракета.

Конечно, если откажет двигатель, самолет спланирует, и его вполне можно посадить на площадке величиной с картофельное поле, но от этого не становится легче. Буйволам, слонам и львам вряд ли понравится наше появление.

На подлете к Омо попали в туман. Самолеты такого типа не оборудованы радаром, а горы в системе Великого африканского разлома – не такая уж редкость.

Наконец удалось пробить полосу тумана. Под крылом мелькнула ярко-красная крыша ангара, и самолет ловко, я бы даже сказал, изящно, сел на посадочную полосу и, подпрыгивая на выбоинах, побежал к низкому, барачного типа, сооружению, но, точно передумав, отвернул влево и замер на асфальтированном квадрате.

К самолету, веером разбрызгивая лужи, подкатила «тойота». Из машины выскочил человек в светлом костюме, распахнул огромный черный зонт и зашагал к «турботрашу».

Я с трудом выбрался из кабины. Человек приблизился. Молодое привлекательное лицо его даже не портила бородка в форме помазка для бритья.

– Мистер Эрмин, не так ли?

– Все правильно. Доктор Джозеф Торото?

– Да, сэр.

Мы обменялись рукопожатием. Доктор Торото был одного со мной роста, но лет на двадцать моложе.

– Как долетели?

– Неплохо.

– В Швейцарии сейчас, наверное, прохладно?

– Не душно. Вам приходилось бывать в Европе?

– Медицинский факультет я закончил в Лондоне, стажировался в Париже, в больнице Клода Бернара. Кстати, там я слушал ваши лекции, профессор.

– Вот как? Представляю, какая скука. Ну а у вас здесь все льет?

– Сезон дождей на исходе. Если не возражаете, мы сначала заедем в отель, а уж потом в институт.

Я огляделся. Почему же старина Дэвис не встретил меня? Ведь он наверняка знал о моем приезде.

– Простите, коллега, в Омо работает доктор Барри Дэвис?

– Да, сэр. Мистер Дэвис, к сожалению, не мог вас встретить. Он болен.

– Что-нибудь серьезное?

– Малярия... И еще сердце.

– Надеюсь, он скоро поправится.

– Я тоже надеюсь, сэр.

– До свидания, Майкл. – Я помахал пилоту. – Советую вымыть руки, ведь вы здоровались со мной, а зараза прилипчива.

Грим с ужасом уставился на свои ладони и, бормоча проклятия, пошел к самолету.

За окном «тойоты» мелькала знакомая картина: остроконечные хижины деревень, термитники, зонтичные акации и женщины, бредущие вдоль дороги с поклажей на голове.

Отель – двухэтажное белое здание – оказался довольно

уютным и разорительно дорогим. Номер здесь стоил столько же, как в «Хилтоне».

Хозяин-шотландец встретил весьма сдержанно. Это меня удивило. В глубинке обычно рады клиентам, к тому же европейцам.

– Он что, с ума сошел? Такие цены мне явно не по карману, Торото.

– Большой наплыв туристов, сер.

– Послушайте, не называйте меня «сэр». Мы с вами врачи, коллеги! Если уж вы столь высокого мнения о моей особе, называйте профессором.

– Как будет угодно, мистер Эрмин.

В номере я быстро умылся, сменил рубашку и спустился в холл.

Институт Пастера, которым руководил доктор Торото, походил на большинство подобных учреждений, созданных в различных регионах Африки в системе Службы больших пандемий. Но сходство было только внешним. Краткое знакомство с лабораториями убедило меня, что они оснащены первоклассным оборудованием, в основном японским и шведским. С удовольствием отметил, что микроскопы наши, русские, фирмы «ЛОМО».

Особенно хорош был вирусологический блок со стерильными боксами. Сотрудники лабораторий, преимущественно африканцы, при нашем появлении вежливо вставали, приветливо здоровались. Торото коротко, на ходу отдавал

распоряжения. Судя по всему, он не только в институте, но и в стране пользовался большим авторитетом. Ампала – небольшая страна, и так оснастить институт мог только очень влиятельный человек. В кабинете Торото, обставленном металлической мебелью, равномерно журчал кондиционер. Я закурил и, усевшись в кресло, сказал:

– Не скрою, коллега, институт производит впечатление. Серьезный уровень, поздравляю.

Глаза у Торото потеплели.

– Благодарю вас, профессор. Нам нелегко было добыть оборудование, средства. И еще так много не сделано.

– Ну, время в резерве у вас есть. Простите, сколько вам лет, коллега?

– Тридцать два. Много. Если учесть, что средняя продолжительность жизни в Ампале – тридцать семь лет.

– Зачем же так мрачно? Давайте-ка поживем подольше. Вон сколько проблем еще нужно решить.

– Да, проблем много. – Нажал кнопку селектора, попросил секретаршу принести кофе.

– Так что же стряслось у ваших милых гачига, Джозеф?

Я впервые назвал Торото по имени. Он благодарно посмотрел на меня.

– Постараюсь изложить только суть, профессор... Две недели назад в госпиталь из деревни Ганту – это в сорока милях северо-западнее Омо – был доставлен больной, мужчина двадцати шести лет, с выраженными признаками геморраги-

ческой лихорадки. Накануне от лихорадки умерла его жена. Детей у них нет. Выяснилось, что дней за десять до болезни он на рынке у человека из племени гачига выменял за корову дюжину овец. Овцы стали болеть. Три овцы он зарезал, чтобы продать мясо. Пас овец старик сосед – он тоже заболел. В нашей вирусологической лаборатории удалось выделить вирус, идентичный вирусу Рифт-Валли. Культуру вируса направили в Справочный центр ВОЗ. Ответа пока нет.

Торото жадно затянулся сигаретой и продолжил:

– Одновременно поступила информация, что среди племен гачига эпидемия: в деревне Кабахингу заболело свыше ста пятидесяти человек. Есть больные и в соседней деревне. Симптоматика, схожая с геморрагическими лихорадками. Кровавая рвота, носовое кровотечение, нарушение зрения, психозы. Среди крупного рогатого скота и овец – эпизоотия. Падеж отмечен, прежде всего, среди молодняка.

Нужно сказать, профессор, что гачига живут очень изолированно. Пожалуй, это одно из наименее изученных племен Африки. Селятся на островах среди непроходимых болот. В основном ловят рыбу, охотятся на крокодилов, игуан. Отдельные кланы занимаются земледелием. Скот у них вроде капитала, что ли. Из-за скота кланы враждуют между собой. Вообще гачига очень воинственны. Только пигмеи рискуют нападать на них. Падеж скота, особенно у молодняка, начался у гачига еще месяц назад...

– Простите, коллега, откуда такая точная информация?

– В деревне Кабахингу живет брат нашего шофера Абачуги. Абачуга – тот парень, что привез нас в гостиницу. Брата зовут Анугу. Он часто бывает в городе, выполняет деликатные поручения колдуна племени гачига – Амабаги. Виски ему покупает, пиво, медикаменты, батарейки для транзистора. В общем – доверенное лицо.

– Гачига пьет виски? – У меня, наверное, был достаточно глупый вид.

– Гачига пьют вино, сделанное из меда. Да и то по большим праздникам. А мистер Амабага предпочитает «Белую лошадь». К тому же он неплохо говорит по-английски и отлично стреляет из автомата.

– Поразительно! Вы что, его знаете?

– Вместе учились в миссионерской школе, работали учениками в аптеке. Потом я поехал изучать медицину в Лондон, а он пошел служить в армию. Дослужился до лейтенанта. Попался на каких-то махинациях, бежал к гачига.

– Он из племени гачига?

– Да, сын колдуна. Дед у него был старейшиной клана. У гачига всем вершит совет старейшин. Амабага способный малый, хороший актер, знаком с основами медицины. Гачига считают его заместителем бога Бакама. А он обдирает этих доверчивых людей, неплохо зарабатывает, – сбывает через перекупщиков крокодилю кожу.

– Это рассказал брат, как его...

– Нет, сам Амабага. Год назад мы случайно встретились

в кафе на центральной улице в Ампале. Ни за что не подумаешь, что это колдун племени гачига. Скорее учитель или священник. Но если бы я позвал полицию, он не посмотрел бы на то, что мы одноклассники.

– Детектив какой-то. И что же дальше?

– Дальше? Я подготовил телеграмму в штаб-квартиру ВОЗ – это вы знаете, – а сам с двумя помощниками на вертолете отправился в Кабахингу. До сих пор не могу понять, как нам удалось унести ноги. Едва мы приземлились, как вертолет забросали копьями. «Хьюз-500» довольно хрупкая штука. Хорошо еще, что гачига решили нас просто прогнать. А если бы они подождали, пока мы выйдем из вертолета, я бы сейчас вряд ли беседовал с вами.

– Но ведь вы летели с гуманной целью. Почему такая агрессивность?

– У гачига есть основания не доверять нам.

– Какие?

– Два месяца назад выполнялись работы по программе борьбы с речной слепотой. С вертолетов опыляли места выплода мошек. По-видимому, передозировали. К тому же пилот, ваш знакомый Майкл Грим, надо полагать, по ошибке, опылил не только речку, но и озеро. Погибло много рыбы и крокодилов. Думаю, что Амабага использовал эту ситуацию, чтобы восстановить гачига против властей. Социальные преобразования в нашей республике, развитие здравоохранения, просвещения – смерть для авантюристов ти-

па Амабаги. Были случаи нападения на полицейских, убили сельского врача. Судя по приемам, дело рук гачига.

Доктор Торото нахмурился.

– Похоже, на этот раз Амабага просчитался. Эпидемия разрастается. Внутри племени начались волнения. Люди перестали верить в могущество колдуна, и Амабага послал в Омо парламентарера Анугу.

– Он знал, что его брат служит у вас шофером?

– Конечно. Но он доверяет Анугу. К тому же, если бы Амабага узнал об утечке информации, Анугу умер бы страшной смертью. Короче говоря, Амабага попросил помощи, но предупредил, что к гачига могут пойти врачи, которых не знают старейшины кланов. Меня и сотрудников института гачига считают злейшими врагами: по нашему указанию отравили озеро. И еще: врач должен быть белым человеком. Гачига убеждены, что болезнь распространили белые, пусть белые и лечат.

– И что вы передали Амабаге?

– Пока ничего. Я связался с президентом. В соседнем кабинете сидят два добровольца, готовых идти в очаг. Военный врач и его помощник – дрессер, оба из племени карамоджо. А врачи, практикующие в столице и Омо, отказались. Я не осуждаю их: риск велик. Теперь, когда у нас есть вакцина, к гачига пойдут эти парни: Мгунгу и Акоре. В конце концов, Амабага заинтересован, чтобы подавить эпидемию.

«А что Амабага сделает с врачами, когда эпидемический

очаг будет ликвидирован? Вряд ли ему нужны свидетели», — мрачно подумал я.

— Сколько времени понадобится, чтобы добраться до деревни Кабахингу?

— Часа три-четыре.

— Придется рискнуть, Джозеф. Может быть, риск не так уж и велик. Все-таки я представляю международную организацию...

Торото внимательно посмотрел на меня.

— Покажете ооновский паспорт? Амабаге наплевать, а гачига не умеют читать. У них вообще нет письменности...

— Но вам же нужен белый врач? Тогда не будем терять время, зовите ваших парней.

Вечером доктор Торото отвез меня в гостиницу, пообещав заехать утром. Я сел в кресло и только сейчас почувствовал, что устал. Не хотелось стоять, сидеть, пить, есть, двигаться. Усталость заполнила сознание, подсознание и, похоже, восторжествовала на клеточном уровне.

Где-то я читал, что итальянские коллеги причислили к болезням и усталость, включили ее в соответствующую классификацию. Усталость относят даже к «суперболезням», порождению цивилизации. Здоровых людей вообще становится все меньше и меньше. Один ученый утверждал, что сейчас происходит «селекция наоборот». К современной жизни приспособляются лишь больные люди, с неуравновешенной психикой. И вообще, скоро мы докатимся до того, что одна половина населения нашей планеты будет лечить другую. Кажется, мысль принадлежит французскому клиницисту Дюссеру.

В распахнутое окно тянуло сыростью. Листья манговых деревьев блестели, словно их покрыли лаком. В такой влажности к утру туфли наверняка обрастут плесенью. Я закрыл окно и включил кондиционер.

Как я не бодрился, рассказ Торото о гачига и проходимце Амабаге подействовал на меня угнетающе. История с Амабагой покажется вымыслом туристу, который судит об Афри-

ке по отелям в Найроби и национальным паркам, где можно высунуть руку из окна «лендропера» и похлопать по спине носорога. Африка есть Африка. И тут нужно все тщательно продумать, а не раскисать.

Если в этом отеле за номер дерут как в «Хилтоне», то и обслуживание должно быть соответствующее. Я заказал по телефону кофе, целый кофейник, минеральную воду, натянул спортивные брюки и проделал несколько движений из хатха-йоги, снимающих напряжения. В дверь постучали, когда я посреди комнаты глубокомысленно стоял на голове.

– Войдите!

Вошел бой с подносом и с разинутым ртом замер на пороге. У него был такой вид, словно он узрел черную мамбу пятиметровой длины. Согласитесь, зрелище впечатляющее: солидный человек в красных штанах стоит на голове.

– Спасибо, поставьте поднос на пол.

– Вы... вы будете пить кофе... так?

Бой присел на корточки и с простодушным любопытством заглянул мне в лицо.

– Конечно.

– Но почему, сэр?

– Так вкуснее.

– А-а. – В голосе боя послышалось восхищение. Он ушел в полной уверенности, что в номере поселился сумасшедший. Я принял душ, крепко растерся полотенцем, выпил остывший кофе и с наслаждением закурил. Из-под кондиционера

вылез таракан величиной с детский кулак и с любопытством уставился на меня. Ему, по-видимому, было так же одиноко, как и мне.

Теперь можно систематизировать информацию. По записанным на диктофон историям болезни, сопоставлению данных лабораторных исследований можно предположить, что мы имеем дело с лихорадкой Рифт-Валли. Эпизоотия среди овец, заражение человека, характерная клиника, наконец, вирус, выделенный из крови больных... Куда, казалось бы, больше? И все же сомнения есть. По клинике Рифт-Валли во многом похожа на другие лихорадки. А их в Африке открыто уйма: тут и Чикунгунья, и О, ньенг, ньенг, и Кьясанурская лесная болезнь. Конечно же, желтая лихорадка, или «Желтый Джек», как еще ее называют.

Вирус Рифт-Валли сейчас ведет себя весьма агрессивно. Открыли его в тридцатые годы, и сорок лет считалось, что поражает вирус только овец и коров. А в семидесятые годы эта дрянь переключилась на людей. Во время эпидемии в Египте погибло свыше ста человек. Модель элементарная: человек заражается от больной овцы или коровы, а от человека к человеку вирус передается комарами. Недостатка в комарах в здешних местах нет. В Африке все, что летает, – кусается. Мошки, москиты, печально известная муха цеце. Есть даже такая мерзость, как поцелуйный клоп, который норовит укусить только в губы.

Связь между заболеваниями в деревне Ганту и эпидеми-

ей среди гачига скорее гипотетическая. Фактов маловато. Окончательно разобраться можно, лишь побывав в очаге, начав знакомство с ним с резиденции господина Амабаги. И отправиться туда придется, никуда не денешься.

«А чем болен мистер Дэвис? Что-нибудь серьезное?» – спросил я у Торото. «Малярия... И еще сердце». – Доктор Торото отвел глаза. Теперь я вспомнил отчетливо: Джозеф смутился.

Может, Барри просто не хочет меня видеть? Но почему?

Барри Дэвис на десять лет старше меня, но разница в возрасте не замечалась. Худощавый ирландец выглядел намного моложе своих лет. Специалист по пресноводным моллюскам, Барри участвовал в проекте по борьбе с шистосоматозом, но основной страстью его были охота и фотография. К моменту нашего знакомства в Гвинее, он уже пятнадцать лет прожил в Африке, мотался из одного конца в другой, таская за собой жену Кристину и сына Рудольфа. Барри ненавидел галстуки, белые рубашки, приемы в посольствах. И в буше чувствовал себя уютнее, чем на улицах Женевы. Год он проработал в штаб-квартире ВОЗ, но не выдержал городской жизни и укатил в Центральную Африку.

Я задумался. Когда тебе вот-вот стукнет пятьдесят, очень грустно терять друзей...

С утра мы вчетвером колдовали над топографической картой района, заселенного племенами гачига. Кабинет Торото напоминал штаб армии при подготовке операции: карты, графики, фотографии местности, справочники. Впечатление усиливала униформа цвета хаки, в которую были облачены Мгунгу и Акоре.

В случае положительного ответа от Амабаги предполагалось обосноваться в ста километрах от Омо в поселке Гувера в филиале института Пастера – попросту говоря, в змеином питомнике. Гадов отлавливали в окрестных лесах и буше, селили в питомнике и получали от них яд, а заодно вырабатывали противозмеиную сыворотку. Предприятие, по словам Торото, приносило хороший доход.

Я еще никогда не жил в змеином питомнике. Представляете, просыпаешься под мирное шипение черной мамбы или обнаруживаешь в шлепанце песчаную эфу. Впрочем, я знал людей, которые в домашнем террариуме держали габонских гадюк и камерунских лягушек.

План выглядел таким образом: в пяти минутах ходьбы от филиала протекает речка Зее, до гачига лучше всего добраться водным путем. Далее сорок километров на моторной лодке до деревни Нторо, где будет ждать Анугу. Пересаживаемся на пирогу – и вперед, полагаясь на судьбу и бога Ба-

кама.

Пока план содержал несколько неизвестных, а финал выглядел довольно мрачно. Мне много раз приходилось работать в эпидемических очагах. Обычно выезжали группой, и то не обходилось без случайностей.

Приглядываюсь к моим помощникам. Мгунгу – военный врач, лейтенант. Он закончил в столице что-то вроде военно-медицинской академии. Ему двадцать два года, он низкорослый, худой, карие глаза печальны. Подготовлен неплохо, но опыта работы в эпидемических очагах нет. Малый смысленый, думаю, мне удастся его кое-чему научить.

Другое дело – Акоре. Отлично сложен, ловок, как обезьяна. Считается дрессером, но уже из краткой беседы мне становится ясно: в том, что касается медицины, он стерилен. Я поделился своими наблюдениями с Торото, тот под большим секретом сообщил, что Акоре – сотрудник службы безопасности, послан президентом, чтобы охранять мою особу, а заодно контролировать ситуацию у гачига.

На второй день после обеда Торото сказал мне:

– Звонила мадам Кристина и просила передать вам, что мистер Дэвис чувствует себя лучше. Не могли бы вы его навестить?

– Да, конечно. – У меня сразу отлегло от сердца.

– Если не возражаете, вас отвезет Абачуга. Я жду звонка из канцелярии президента.

За два дня я так и не сумел толком посмотреть город. От

гостиницы до института Пастера пять минут езды. Уезжал утром, возвращался вечером.

Омо – типичный африканский городок. Население – тысяч двадцать, две-три улицы в центре, застроенные современными домами, церковь, миссионерская школа, госпиталь, аптека, несколько отелей, магазины и лавки, принадлежащие в основном индийцам, рынок, площадь с памятником какому-нибудь колониальному чиновнику или военному. На окраине – хижины аборигенов.

Город лежит во впадине, напоминающей гигантский кратер вулкана. Возможно, так и есть на самом деле. Со всех сторон сизые, в желтых проплешинах горы причудливых очертаний, столь характерные для Великого африканского разлома. Абачуга молчалив, сдержан, отвечает коротко: «Да, бвана», «Нет, бвана». Машину он водит виртуозно.

Центральная улица забита пешеходами, велосипедистами. Машин немного: в стране сложно с бензином.

– Абачуга, вы знаете мистера Дэвиса?

– О, да! Он большой, большой бвана. И хороший охотник. Но у него большое горе. Очень большое.

– Горе?

– Да, бвана. У мистера Дэвиса погиб сын.

У меня перехватило дыхание. Рудольф, мальчик... Я помнил его трехлетним карапузом... Едва став на ноги, он уже таскал за хвост метрового удава – в доме Дэвиса всегда было полно всякой живности, и бегал вместе с африканскими ре-

бятишками, то и дело пропадал, его разыскивали, возвращали в дом, но он снова убегал, падал с деревьев, но, расквасив нос, не хныкал, а сердито сопел.

Мы тогда работали с Барри в госпитале неподалеку от Конакри. Кристина с сыном нередко заезжала к нам на ярком горбатом «фольксвагене», привозила термос с ледяным кофе, сэндвичи. В госпитале лечились больные сонной болезнью, проказой, тропическим сифилисом. «Вы не боитесь, что сможете заразиться?» – как-то спросил я ее. «Нет, я хоть и недоучка, но знаю, что бактерии проказы передаются при длительном контакте, а мухи цеце в окрестностях Конакри нет».

Кристина родилась в Южной Африке. Барри женился на ней, когда она училась на первом курсе медицинского факультета университета в Йоганнесбурге. Родители Кристины погибли в автокатастрофе, воспитывал ее дядя, профессиональный охотник. Она отлично стреляла, ездила верхом, водила автомобиль, гребла, умела доить коров и могла за несколько минут разделать тушу антилопы.

В платье Кристину я видел только раз – на приеме у президента республики. Она предпочитала джинсы, мужские рубашки и, помнится, на пышном рауте чувствовала себя неловко.

Абачуга мягко остановил «тойоту» у ограды. За оградой белела вилла – небольшой двухэтажный, стандартной постройки дом.

Некоторое время я сидел, тупо уставившись перед собой... Последний раз я видел Рудольфа в Дакаре. Он учился в университете в Белфасте и прилетел навестить родителей. Рослый, сдержанный парень больше молчал, поглаживая рыжеватую бородку. Я к тому времени уже отрастил усы, и Кристина подшучивала над нами: «Эй вы, небритые, к столу!»

– Мы приехали, бвана, – напомнил Абачуга. – Мне вас подождать?

– Благодарю. Не нужно.

Шагая к воротам дома, я вдруг подумал, что в облике Рудольфа было заложено нечто изначально трагическое. Таких людей у нас называют «не от мира сего».

Навстречу шла Кристина. В светлых брюках и в такой же рубашке, подтянутая, стройная. Совсем не изменилась. И все-таки что-то новое появилось в облике. Седина в волосах? Пожалуй.

Она протянула узкую загорелую руку.

– Здравствуйте, Стефан. Вижу, что вы уже все знаете. Не обращайтесь внимания на Барри... Он сильно сдал. Машину отпустили?

– Да.

– Правильно. Я отвезу вас в отель. Простите, что не предлагаю остановиться у нас. Вам будет... тяжело.

В выстуженной кондиционером гостиной стоял полумрак. Барри Дэвис сидел в глубоком кресле. Узнать его было труд-

но.

– Привет, Стефан! – он помахал мне рукой.

– Здравствуйте, старина. Какого черта у вас такой мрак?

– Сейчас Кристина зажжет свет и принесет что-нибудь выпить. Или вы по-прежнему трезвенник?

– Как вы себя чувствуете, Барри?

– Уже лучше. Проклятая тропическая малярия. Да садитесь же! И не делайте вид, что вы ничего не знаете. Мальчика нет, его застрелили в Ольстере во время студенческих волнений.

Сухое желтое лицо Барри дернулось. Несколько секунд он сидел с закрытыми глазами, потом заговорил медленно, с трудом:

– Что вам не сидится в штаб-квартире, Стефан? Неужели не надоела Африка? Впрочем, вопрос идиотский. Африка – болезнь, что-то вроде медленной инфекции. Если заразился, то уже на всю жизнь. Расскажите лучше, как Варвара?

– Варвара в Москве. И у меня уже были билеты на самолет. Отпуск.

– А вас понесло к гачига! Меня всю жизнь окружали ненормальные люди.

– Что ты болтаешь, Барри? – тихо сказала Кристина.

– Милая, ты бы лучше принесла напитки и лед. Послушайте, Стефан, будьте благоразумны.

– И это говорите вы?

– Не тот случай, старина. Эпидемия лихорадки у гачига

скоро заглохнет. Кончится горючий материал, и конец. Пленены изолированы, контакт с соседями ограничен.

Старческий, дребезжащий голос здесь, в комнате с глухо закрытыми портьерами окнами, производил странное впечатление. Мне даже показалось, что в кресле сидит вовсе не Барри Дэвис, а другой человек: усталый, больной, равнодушный.

Мне приходилось встречать европейцев, долгие годы проживших в Африке, и у них даже от пустяковой причины что-то вдруг ломалось внутри, какой-то точный прибор, вроде гирокомпаса, позволявшего держать курс. И человек начинал стремительно опускаться, терял интерес к окружающему, начинал пить. Болезнь тропиков, усталость. Барри в Африке двадцать семь лет.

Кристина вкатила столик с напитками и ведерком со льдом.

Дэвис оживился.

– Стефан, может, сварить кофе? – спросила Кристина.

– Пожалуй.

– Мне иногда кажется, Стефан, что вы притворяетесь...

Для чего, дьявол вас раздери, вам нужна роль подвижника? Неужели вы не видите, что мир катится в преисподнюю? Африка есть, но и она скоро погибнет. вспомните пророческие слова Нейбергера: «В конце концов удушливый туман, пропитанный дымом и копотью, окутает всю землю, и цивилизация исчезнет...»

– Признаться, Барри, мне больше по душе оптимизм Шарля Николя.

– Николь – идеалист. Мой сын тоже был идеалистом. Его убили выстрелом в упор. Боже мой, что происходит в мире! «Красные бригады», террористы, мальчишки-студенты, воюющие с регулярными войсками, мафия, наркоманы... Где милосердие, Стефан?

Дэвис умолк.

Нужно было срочно менять тему разговора. Я спросил:

– Скажите, Дэвис, что за человек Торото? Ему можно доверять?

Дэвис некоторое время молчал, пристально разглядывая что-то на стене, потом заговорил ровным, лишенным окраски голосом:

– Торото – толковый парень. К нему благоволит президент. Говорят, Торото его внебрачный сын. Мать Торото – женщина богатая: бензоколонки, плантации кофе и прочее. Учился в Лондоне. Хороший, насколько я могу судить, специалист. Придерживается умеренных взглядов. Господи, как мне все надоело! Политики отняли у меня сына, Стефан... Будь они прокляты!

Барри что-то еще бормотал, а я вдруг вспомнил, как однажды в Гвинее возвращался из госпиталя и у моей машины отказал двигатель. Приближался вечер. Вокруг – ни души. Только обезьяны орали и швыряли в меня камнями. Перспектива заночевать на обочине дороги не из веселых. И тут

вдруг появился «лендровер» Дэвиса. Как я обрадовался, когда он выскочил из машины и торопливо направился ко мне! На вопрос, как он узнал, что я тут застрял, он ответил: «Интуиция, Стефан... Здесь, в Африке, сам понемногу становишься африканцем».

«Барри болен... Не обращайтесь внимания на его слова, Стефан», – сказала Кристина, когда я усаживался на сиденье «пежо». В полусвете надвигающегося тропического вечера на лице ее четче прорезались морщины, в волосах отсвечивала седая прядь. А рядом возник Барри Дэвис, превратившийся в брюзжащего старика. Я с трудом удержался, чтобы не взглянуть на себя в зеркало заднего обзора, тем самым сохранив иллюзию, что я молод, не изменился, время просвистело у меня над головой, не коснувшись меня.

Приехав в отель, принял две таблетки снотворного. В отеле стояла кладбищенская тишина, и это подчеркивало напряженную жизнь там, за стенами, посреди влажной тропической ночи.

Иллюзия рушилась. Я лежал, ощущая свои сорок восемь лет, хроническую бессонницу, изжогу, периодические боли в сердце, каменную усталость, лежал, испытывая лишь одно желание – оказаться сейчас в Сокольниках, посидеть на скамейке, вдыхая запах молодой зелени. Снотворное все-таки начало действовать.

8

Проснулся я вялый, с чугунной головой. Две чашки крепкого кофе, выпитого в баре, несколько подняли настроение. Дождь, видимо, перестал только под утро. В огромной луже азартно плескались ребятишки.

«Тойота» стояла в условленном месте. Абачуга радостно встретил меня.

– Как поживаете, бвана?

– Лучше не бывает.

– Доктор Торото не мог заехать за вами... Дело в том, что пришел мой брат Анугу.

– Вот как?

– Пришел с хорошей вестью.

– Тогда едем.

«Тойота» лихо развернулась и, разбрызгивая лужи, помчалась по шоссе.

В кабинете Торото сидели Мгунгу, Акоре и незнакомый африканец лет тридцати в мятой армейской рубашке и шортах.

При моем появлении все встали, точно я был генералом.

– Доброе утро, мистер Эрмин. – Торото крепко пожал мне руку. – Надеюсь, у вас все благополучно?

– Спасибо. Конечно.

– Познакомьтесь... Это Анугу.

Африканец нерешительно протянул руку. Лицо его оставалось неподвижным, но в темных выпуклых глазах мелькнуло недоверие, сменившееся изумлением. Он уставился на мои усы с таким любопытством, словно обнаружил у меня вторую голову.

– Как добрались, Анугу?

Ответил Торото:

– Анугу не знает английского. Только суахили. Ну и, конечно, говорит на языке гачига и некоторых других местных наречиях.

– Как жаль, что я не знаю ни одного из них. Насколько мне известно, ни Мгунгу, ни Акоре не знают суахили. Как же мы будем общаться?

– Профессор, прочтите записку от мистера Дэвиса. Записку только что доставил его повар Юсуф. Он уже давно ждет.

Неужели что-нибудь случилось? Я взял сложенный вчетверо лист мелованной бумаги и торопливо прочел:

«Дорогой Стефан, – писал Барри Дэвис, – простите за вчерашний вечер. Я был не в форме. Но, поверьте, еще не раскис окончательно. Ничего, мы еще с вами дернем по стаканчику. Зная ваше славянское легкомыслие, посылаю своего повара Юсуфа, он отлично готовит, знает местные условия, а главное – верный человек, бывший солдат.

Юсуф прожил у нас шесть лет, стал членом семьи, так что берегите его. Я давно заметил одну вашу особенность: вы охотнее заботитесь о других, чем о себе. Торото сказал, что

вы перебираетесь в Гуверу. Жду у себя после завершения операции.

Ваш Барри М. Дэвис».

Я еще раз перечитал записку.

– Этот повар что... ждет?

– Да, сэр. Старик ожидает во дворе. – Мгунгу кивнул в сторону внутреннего дворика института, куда выходили окна кабинета Торото.

– Послушайте, Джозеф. Мистер Дэвис предлагает взять с собой этого повара.

– Дельная мысль. Я знаю Юсуфа. Он надежный человек. Знает суахили и языки некоторых племен банту. А банту и гачига понимают друг друга.

– Вот как! Акоре, позовите сюда повара.

– Слушаюсь, сэр.

Юсуф оказался плотным, широкоплечим человеком. Массивная нижняя челюсть, узкий лоб. На редкость несимпатичный малый. Но одна деталь, которую я не разглядел сразу, одним штрихом меняла портрет – выражение глаз, грустных, умных, как бы наполненных теплым светом. Юсуф был совершенно сед, что среди африканцев встречается нечасто.

Он поклонился мне и с достоинством сказал:

– Здравствуйте, бвана. Меня послал мистер Дэвис. Он сказал, что вы его друг и старый Юсуф может пригодиться в пути.

Я пожал его жесткую, напоминающую клешню краба руку.

– А вы умеете готовить блюда из змей и саранчи, Юсуф?

– О да, бвана. Я знаю даже китайскую кухню. А вы любите эти блюда? – В глазах Юсуфа вспыхнул огонек интереса.

– Очень. Хорошо, Юсуф, готовьтесь. Я думаю, мы выедем сегодня. Как, Джозеф?

– Да, мистер Эрмин. Два часа нам хватит на сборы.

– Отлично. Мы заедем за вами, Юсуф.

– Хорошо, бвана.

Юсуф поклонился и вышел.

– Насчет змей вы... серьезно, профессор? – спросил Торото.

– Вы, наверное, уже убедились, что я несерьезный человек.

Профессором я стал в возрасте Торото. Врачи и биологи редко становятся докторами наук в тридцать с небольшим. Просто мне повезло – мою кандидатскую диссертацию утвердили как докторскую, а молодежные газеты сделали из меня героя-мученика, поставившего опыт с самозаражением. Слышали бы почитатели моего «таланта», как шеф орал на меня, когда я сообщил ему, что проглотил взвесь микробов. Хотя и шефу и мне было ясно, что доказать мою гипотезу можно было только одним способом – заразить самого себя.

Шеф потом две недели просидел у больничной койки с японской кинокамерой, снимая все, что со мной происходи-

ло. Он отказался вырезать ту часть пленки, где я блевал и где с отрешенным видом сидел на подкладном судне. Мне кажется, что именно эти наполненные героикой сценки убедили высшую аттестационную комиссию, что я достоин степени доктора медицинских наук.

Еще одна пикантная деталь: змеиный питомник, оказывается, размещался в здании бывшей английской тюрьмы. Мало того что за стеной в клетках шелестят змеи, там наверняка по ночам бродят призраки бывших узников.

Что же касается помещения, которое нам выделили для жилья, то оно выглядело так же уютно, как пустой гараж ночью или морг. Особенно мне понравились решетки на окнах и двери – отличная ручная работа. Но часа через три бывшая тюрьма стараниями Торото и его сотрудников была превращена во вполне сносное жилище; походные койки под сетчатыми противомоскитными пологам, раскладная мебель. Толстые каменные стены защищали от зноя, пресной воды хоть залейся – рядом река. Что еще нужно человеку?

Змеиный питомник занимал вторую половину бывшей тюрьмы. Обслуживающий персонал – два пожилых африканца и девочка лет четырнадцати – жили в пристройке рядом с кухней.

Я не без любопытства оглядел клетки со змеями. Плоские, точно лишенные жизни, гады лежали, свернувшись клубками. Запах в питомнике стоял отвратительный. Я как-то не предполагал, что змеи могут пахнуть. Может, это запах пищи, которой кормят шипящее отродье?

У одной клетки Торото придержал меня за локоть.

– Ближко подходить не нужно, мистер Эрмин, там – плюющаяся гадюка.

Я остановился. Это милое создание с расстояния в два метра может точно попасть в глаз. Черт знает, каким мужеством нужно обладать, чтобы работать со змеями. Вот уж поистине Божья кара. Ты змею кормишь, ухаживаешь за ней, а она в знак особого расположения возьмет и укусит.

После превосходного обеда, приготовленного Юсуфом, я решил немного пройтись. Гувера – симпатичное место, со всех сторон окруженное зелеными холмами, на склонах плантации папайи, заросли джакаранды. У реки было не так жарко. По пробитой среди кустов и слоновьей травы тропинке я вышел к небольшому причалу. У причала покачивалась старая дюралевая лодка с подвесным мотором. Я не смыслю в моторах, но этот – японский, судя по иероглифам на кожухе, выглядел солидно.

Реки в Африке редко рождают ощущение свежести, прохлады, как, скажем, наши лесные речки в средней полосе или Карелии. Мне приходилось бывать на берегах Конго, Замбези, Лимпопо, и всякий раз они поражали меня: казалось, в каждой капле воды что-то возится, размножается, пожирает друг друга. Одним словом, завтрашнее путешествие по реке Зее не вызывало особой радости.

Вечером Торото уехал в город, Юсуф возился на кухне, а мы уселись играть в покер. Четвертым был механик – мальчишка, которому предстояло завтра на мотолодке отвезти

нас в деревню Нторо.

Покер неплохо отвлекает. Я и не заметил, как опустился тропический вечер, а вслед за ним на нас обрушились полчища всякой кусающейся твари: комары, мошки, москиты. Пришлось укрыться под противомоскитным пологом. Полчаса я еще перелистывал при свете аккумуляторного фонаря свежий номер британского медицинского журнала «Практишнер», а потом меня сморил сон.

Проснулся от всхлипывающих, скулящих звуков, прерываемых глухим ворчанием. Сквозь дверную решетку бил лунный свет. Здесь, на экваторе, луна светит, точнее, отражает свет, как-то особенно яростно. Вот где раздолье луна-тикам!

Я сунул ноги в сапоги и подошел к двери. Метрах в пятнадцати от порога собралось целое стадо гиен. При моем появлении они умолкли, но с места не сдвинулись. На редкость омерзительные животные, с тусклыми, будто подернутыми гнилостной пленкой, глазами. Во дворе появились шаркающие шаги. Кто-то в белом медленно брел от низкого, приземистого домика кухни. По-видимому, наступил час привидений. Привидение голосом Юсуфа сердито крикнуло нечто похожее на наше русское: «Эй вы, стервы!» – и гиены исчезли во мраке. Юсуф протяжно зевнул и побрел назад, на кухню. Спать вместе со всеми он наотрез отказался.

Я стоял у решетки и думал о Варе, как, должно быть, ей неуютно там, в московской квартире. Я не очень-то впечат-

лителен, но в последнее время воображение стало вдруг проделывать со мной странные штуки. Сейчас, например, я отчетливо представил, скорее даже увидел нашу московскую квартиру в Кривоколенном переулке, высоченную, больше напоминающую операционную, кухню, и тень Вари у окна.

Я ощущал на лице упругое прикосновение лунного света. Мне хорошо было видно, как одна за другой, мелкой трусцой, совсем по-собачьи, на площадку перед домом сбегались гиены.

Они уселись в рядок, о чем-то посовещались, как оркестранты, и, задрав морды, тоскливо завыли, временами твякая и захлебываясь в собственном вое.

Торото явился чуть свет. Мне показалось, что я только что уснул, когда во дворе хлопнула дверца автомобиля.

Юсуф принес завтрак, самый обычный завтрак: омлет, бекон, поджаренный хлеб. Как в лучших домах Англии. Не хватает только овсянки.

– А как же змеи? – спрашиваю я у него.

– Но сейчас не сезон, – растерянно бормочет Юсуф.

– Вечно мне не везет. А блинчики «по-сайгонски» ты умеешь готовить?

– Нет, бвана. – Юсуф огорченно вздыхает.

– Ну, это просто. Берется рисовая мука, пальмовое масло. Гм-м... Самое трудное – приготовить начинку. Для начинки лучше всего подходит мясо молодого варана.

Мгунгу издает хрюкающий звук и испуганно прикрывает

рот рукой. Тоже мне эти современные африканцы, дети городов! Они не знают суахили, их тошнит при упоминании о варане. Мальчишка-механик, глядя на него, хохочет. Потом начинает звонко икать.

Я с наслаждением закуриваю первую сигарету и наблюдаю, как паук-птицеед крадется к маленькой перламутровой птичке. Но птичка начеку, вовремя вспархивает, и паук замирает.

– Что ж, с Богом, как говорится! – Я поднимаюсь.

Как я ни противился, поклажи набралось много. Принимаю решение: контейнер с медикаментами и вакциной доставить во вторую очередь. В первый день при самом благополучном раскладе они нам не понадобятся. Когда мы подошли к причалу, опять начался мелкий дождь. Моторная лодка открытая, так что в ближайшие час-два мы вымокнем до нитки. Предусмотрительный Торото приказал захватить рулон полиэтиленовой пленки. Среди прочего груза много места занимают подарки Амабаге: бутылки виски, блоки сигарет и коробка с батарейками для транзистора. Почему-то именно эти земные вещи меня окончательно успокаивают. На Торото пятнистая куртка со множеством карманов – такие носят «командос». Он сдержанно улыбается мне.

– Будьте осторожны, профессор.

– Непременно.

И мы в десятый уже раз словесно проигрываем варианты ситуаций, в которых можем оказаться. Кажется, не учтена

лишь одна возможность – нашествие инопланетян.

– Не забудьте, Джозеф, привести в готовность силы быстрого реагирования.

– Президент уже отдал распоряжение...

Конец фразы Торото, сказанной с самым серьезным видом, оборвал рев мотора. Юсуф набросил мне на плечи полиэтиленовую пленку.

Лодка медленно отошла от причала. По отмели, задрав клешни, кинулись врассыпную пресноводные крабы. До деревни Нторо минут сорок ходу.

Мотор стучал ровно, вода с шипением отлетала от борта, закручивалась в водоворотах. Над темно-зеленой стеной тростника раскачивались пышные султаны папируса. На песчаных отмелях темнели зловеще-неподвижные тела крокодилов.

Мир вокруг, оглушенный треском лодочного мотора, казался немым и застывшим. Ощущение странное, если учесть, что мы шли со скоростью миль двадцать в час, не меньше. Как нас встретит Амабага – колдун «болотных людей»? Судя по всему, он натура незаурядная. Сбежать из города и за короткое время обрести такое могущество!

В детективной истории я принимаю участие впервые. Работал с сомалийскими кочевниками в пустыне Огаден, с масями в Кении, но чаще все же там были крупные поселения, с госпиталями, представителями власти, полицией. Сложностей, конечно, много. Взять хотя бы языковой барьер. Попробуйте без переводчика, на пальцах объяснить людям, скажем, из племени дадосов, что у них на анализ нужно взять кровь из пальца?

Барри Дэвис мне как-то рассказывал, что для того, чтобы отобрать на исследование мочу в одной деревне и не перепутать бутылочки, он на каждой должен был нарисовать какой-нибудь отличительный знак: дерево, человечка, пти-

цу, хижину, луну... Племя, которое он обследовал, не имело письменности. Внезапно лодка отвернула вправо, я едва не вывалился за борт. Юсуф, тронув меня за локоть, показал на квадратную голову бегемота с маленькими розовыми ушами. На берегу, среди зарослей мелькнули треугольники хижин. Это была Нторо. Механик развернул лодку, заглушил мотор и, отталкиваясь от дна шестом, по мелководью повел ее к причалу, точнее, полусгнившим мосткам.

Торото рассказывал: раньше в деревне Нторо жили рыбаки-гачига, но речная слепота согнала их с богатых рыбой мест, заставила уйти дальше, в болота. Мошки – переносчики речной слепоты – предпочитают быстрые, насыщенные кислородом реки. Затхлая вода болота их не устраивает.

Лодку Анугу первым разглядел Акоре.

– Смотрите, мистер Эрмин, кажется, там... пирога. Нет, чуть-чуть левее мостков.

Ну и глаза у Акоре. У меня с возрастом наметилась дальнорозкость, но я так ничего и не увидел. Водоросли с неприятным звуком терлись о днище лодки, словно кто-то расчесывал гребнем жесткие, густые волосы. Попытался вспомнить звук, когда дед расчесывал гриву лошади, и не смог. Не раз замечал, что в наиболее сложные, ответственные минуты, когда нужно сосредоточиться, в голову лезет всякая ерунда. На глаза попадается приклад автоматической винтовки. Это еще зачем? Винтовка лежит слева от Акоре. Он что, собирается воевать с непокорными гачига?

Нос лодки упирается в берег. И тут я вижу Анугу. Его трудно узнать: расшитая бисером набедренная повязка, на плечах буро-красная накидка, за поясом большой широкий нож, напоминающий римский меч. У Анугу даже голос изменился, стал властным, с гортанными интонациями.

– Что он говорит, Юсуф?

– Лодка может взять только троих. Остальным придется ждать здесь. Лучше, если первым отправится вазунгу¹. Так велел великий Амабага.

Мгунгу и Акоре тревожно переглянулись.

Я без энтузиазма оглядел узкую пирогу. В носу – длинное копье, весло-гребок, моток веревки. Ненадежное сооружение. Как можно спокойнее сказал:

– В этом корыте и трое-то не поместятся. Ничего не поделаешь, будем добираться по очереди. Как Мгунгу?

Всегда готовое улыбнуться лицо юноши на сей раз осталось неподвижным.

– У нас нет выбора, сэр. Хотя это все мне очень не нравится.

Акоре молчал. Я попытался пошутить:

– Ладно, военный совет закончен. Ждите здесь, первым с Анугу пойду я. Раз уж так хочет сам Амабага.

– Я с вами, бвана, – хмуро сказал Юсуф.

– Да, но...

– Бвана не может идти без слуги, сам нести тяжелые вещи.

¹ Вазунгу – божество.

Гачига не поверят такому вазунгу.

И, не обращая больше на меня внимания, Юсуф стал перекладывать коробки с продуктами, посудой и прочий скарб в пирогу.

– Юсуф, неужели ты хочешь взять все это с собой?

– Да, бвана. Ведь неизвестно, что нас ждет.

Анугу, наблюдавший за погрузкой, утвердительно покачал головой.

Мы с Юсуфом перебрались в уютную посудину. Лодка сразу осела под тяжестью. Темная болотная вода местами пузырилась. Мгунгу и Акоре замерли рядом с моторной лодкой по стойке «смирно», будто стояли в почетном карауле, провожая нас в последний путь. Мальчишка-моторист сидел с открытым от удивления ртом.

Анугу греб ритмичными, плавными гребками. Минут через двадцать лодка скользнула в едва заметную протоку в сплошной стене камыша, и сразу же пахнуло удушливым смрадом, точно рядом помещалась скотобойня. Веселенькое место выбрали для себя гачига!

Метрах в пятидесяти, на песчаном островке темнела раздувшаяся туша не то слона, не то бегемота величиной с понтон. По туше, склонив тяжелую голову с большим клювом, прохаживался гриф.

Вонь еще долго преследовала нас. Ситуация складывалась, выражаясь языком математиков, «со знаком минус». Что, если Амабаге придет мысль взять нас с Юсуфом в каче-

стве заложников? Забавное дельце. Провести остаток дней в этой болотной республике. Впрочем, Амабага не такой уж дурак. Зачем ему осложнять себе жизнь? Ссориться с властями? Исчезновение международного чиновника – серьезный повод для неприятностей. Думаю, что в интересах Амабаги, чтобы мы, выполнив задачу, вернулись в Омо целыми и невредимыми.

Я усмехнулся. Подобная логика вполне приемлема для шайки мафиози, но не для гачига, живущих своими представлениями о мире.

Высоко над нами прошел «боинг», волоча за собой громоподобный звук. Трудно представить, что всего несколько дней назад я сидел в кресле такого же лайнера и вел светскую беседу с католическим священником из Найроби, потягивая джин с тоником.

Один этнограф из Дар-эс-Салама убеждал меня, что кочевники-масаи не верят, что самолеты – неживые существа. И что нередко в фюзеляже и крыльях легких спортивных самолетов находят наконечники отравленных стрел.

Через сорок минут лодка, обогнув стадо фламинго, мягко приткнулась к берегу в самом, казалось бы, неудачном месте – даже намека не было на тропинку.

Анугу жестом приказал следовать за ним. Он весь подобрался, движения его стали пружинистыми, эластичными. Анугу взял только копье, ему и в голову, наверное, не пришло помочь Юсуфу. Я подхватил свой врачебный чемодан-

чик, взял, было, коробку с продуктами, но Юсуф укоризненно покачал головой: белый господин не может нести поклажу.

В сплошной стене тростника было пробито что-то вроде просеки шириной в метр. Идти пришлось по щиколотку в клейкой болотной жиже. Такого количества комаров и мошек я даже в тайге не видел. Облепили физиономию, лезли за воротник, в рот. Струя репеллента, что я выпустил из баллончика, эту кусачую тварь только ожесточила. От духоты и усталости притупилось чувство опасности. Хорошо, Торото надоумил меня надеть высокие резиновые сапоги. Хоть и жарко, зато змея не цапнет. Ну а крокодилы нынче сторонятся людей – своя шкура дороже.

Мы выбрались на глинистый берег. Тропа стала приметнее. Сзади с надрывом дышал Юсуф: ему приходилось тяжелее всех. Он ухитрился огромный узел нести на голове.

Наконец я не выдержал:

– Послушайте, долго нам еще тащиться?

Анугу ответил, не оборачиваясь:

– Мало, мало.

Я насторожился: выходит, он понимает по-английски? Или понимает, но не может говорить?

Озеро открылось неожиданно. Темное, неподвижное, точно подернутое пленкой. Справа, по склону холма ярусами поднимались делянки маниоки и сизаля, слева виднелись круглые, похожие на пчелиные ульи, хижины, крытые камы-

шом.

Анугу повернулся ко мне:

– Кабахингу.

Значит, это и есть деревня Кабахингу – самое крупное поселение гачига. Вид у деревни был нежилой: ни звука, ни дымка. И чем ближе мы подходили, тем настороженнее, мрачнее выглядели покинутые хижины. Горечью беды веяло от опустевшего загона для скота, разросшихся кустов живой изгороди – единственной защиты от хищников. Горьковато пахло погасшим костром. Гачига либо ушли, оставив деревню, либо лихорадка уже сделала свое черное дело.

Анугу остановился у крайней хижины и жестом приказал подождать. Юсуф с облегчением опустил на траву поклажу, лицо его лоснилось от пота.

– Ты ведь знаешь язык гачига, Юсуф? – спросил я его.

– Да, бвана.

– Будешь переводить.

– Нет, бвана. Я буду переводить с суахили. Зачем им знать, что мне известен язык гачига?

Что ж, резонно. Может, при случае пригодиться.

Я обратил внимание, что хижина, у которой мы остановились, отличается от всех остальных; она выше, просторнее. И круглый лаз в ней пошире. Жилища остальных гачига лепились поодаль, образуя круг, в центре которого был загон для скота, и в лучшем случае напоминали курятники. Гачига в отличие от масаев невысоки ростом. И потолки их хижин со-

ответствующие. При моем росте в таком жилище пришлось бы передвигаться на четвереньках.

Анугу приблизился к темному лазу и, почтительно поклонившись, несколько раз однообразно, как заклинание, повторил одну и ту же фразу, где среди незнакомых слов было и знакомое – Амабага.

Ага, значит, мы у жилища местного колдуна.

Анугу в выжидательной позе застыл около «двери» в апартаменты. Сценка мне почему-то напоминала процедуру отлова «черной вдовы» – самки тарантула. Делается это так: к длинной нитке прикрепляют шарик из клейкой смолы и опускают его в круглую норку паучихи. «Черная вдова» – особа нервная, с ходу всаживает хелицеры в вязкую массу и приклеивается. Остается ее только вытащить. Ассоциацию с ловлей тарантулов, по-видимому, вызвала круглая дырка в хижине и лоснящаяся, черная спина Анугу.

Амабага появился минут через пять. Роста он был небольшого, но отлично сложен. Широкоплечий, с выпуклой грудью, с мощными ногами. Несмотря на устрашающую раскраску и, условно говоря, одежду: набедренная повязка, шкура леопарда, брошенная на плечи, – в нем угадывался горожанин. И не только по дорогим японским часам на руке. Так выглядят африканцы на фотографиях в рекламных буклетах.

Темные глаза колдуна смотрели насмешливо, даже высокомерно. С точки зрения африканской эстетики он был не только красив, но и величественен. Амабага произнес длинную фразу. Анугу тут же почтительно перевел ее на суахили.

– Давай, Юсуф, подключайся.

– Слушаюсь, бвана... Великий из величайших сказал, что дух Бакама обучил его языку вазунгу, для него не существует непонятого, он знает все.

Я учтиво поклонился.

– Рад познакомиться с таким интересным человеком. – И, не удержавшись, добавил, что впервые встречаю собеседника, который знает все.

Юсуф старательно перевел, надо полагать, отредактировав мой ответ. Анугу то же самое воспроизвел подобострастным голосом. Ирония в общении с колдуном тут была не

принята.

Несмотря на уроки бога Бакама, Амабага вновь затараторил на языке гачига. Через Анугу и Юсуфа я узнал следующее:

– Великий Амабага приветствует великого колдуна вазунгу и просит его пройти в священную хижину.

Я постарался изобразить на лице удовольствие. Во всяком случае, все не так уж плохо началось. Если не считать ощущения, что этот колдун меня дурачит. Протиснувшись в узкий лаз, я с удивлением огляделся: в хижине было светло, свет падал из двух окон, прорезанных в кровле и затянутых полиэтиленовой пленкой. Хижина ничем не напоминала обиталище колдуна и скорее походила на палатку солдата или геолога. Походная койка под зеленым противомоскитным пологом армейского образца. На стене два костюма – светлый и темный, самого элегантного покроя, рядом короткоствольный итальянский автомат «баретта», каскетка из маскировочной ткани.

На раскладном металлическом столе японский транзистор «панасоник», аккумуляторный фонарь, бутылка виски и два высоких стакана. К интерьеру очень бы подошла фотография хорошенькой японки в бикини.

– Вы что, действительно говорите по-английски? – спросил я Амабагу.

– Конечно. – Он улыбнулся.

– Тогда зачем вам понадобилось устраивать представле-

ние?

– Тут не Женева, мистер Эрмин. И даже не Найроби. А вы, насколько я знаю, не новичок в Африке. Присаживайтесь. Виски? Льда, правда, нет.

– Удивительно, что у вас нет льда.

– Дорога была утомительна, не правда ли?

– Ну что вы, одно удовольствие. Но нельзя ли ближе к делу, мистер Амабага? – Я отпил глоток виски и подумал, что никогда еще не пил этот напиток в подогретом виде. – Чем быстрее мы начнем работу, тем лучше. Мои помощники застряли в Нторо. А пока мы не разберемся что к чему, приступить к ликвидации очага бессмысленно. Дайте распоряжение Анугу, чтобы сюда доставили моих помощников. Это парни из столицы. Гачига их знать не могут. К вакцинации, если она понадобится, мы сможем приступить в лучшем случае завтра к полудню. К тому же вакцину еще нужно доставить... и то отдельными партиями. При такой жаре даже в термоконтейнере она быстро испортится.

Амабага работал в аптеке, поэтому то, что я ему сказал, для него не новость. Мы ведь, в сущности, почти коллеги.

Взгляд мой упал на ритуальное одеяние, аккуратно висевшее на стене. Чего там только не было: хвост обезьяны, когтистая лапа леопарда, ожерелье из скорлупы яиц страуса, какие-то мелкие кости, зубы, разрисованные калебасы, монеты. Парочка серег, выкованных из темного металла. Все облачение в общей сложности весило не менее двадцати кило-

граммов. В сочетании с «бареттой» все это выглядело забавно.

Амабага молча протянул мне пачку «Уинстона», щелкнул зажигалкой, закурил сам, пустил облачко ароматного дыма.

Его невозмутимость вывела меня из себя.

– Послушайте, что вы молчите? Ведь я здесь по вашей просьбе. Я спрашиваю, когда мы сможем осмотреть больных, вообще разобраться в ситуации?

Амабага посмотрел на меня с явным сожалением, словно имел дело с идиотом.

– Смотреть больных? Вот так сразу? Сейчас?

– Конечно. Что вас удивляет?

– Мы в Африке, мистер Эрмин. Простите, вынужден повторить. А в Африке свои законы. Если вы сейчас появитесь в деревне, вас просто убьют. Все уверены, что болезнь послана вазунгу с летающего дьявола. Умерла рыба, крокодилы. Теперь погибает скот, люди. Хорошо, что вы не прилетели на вертолете. Старейшины знают, что вы здесь... Нужно принести жертву богу Бакама.

– Вот как, жертвоприношение все-таки состоится. Любопытно, кто же намечен в качестве жертвы?

Я внимательно взглянул на Амабагу, но он выдержал взгляд. Крепкий малый. И, похоже, весьма не глуп. Такие князьки принесли своему народу горя не меньше, чем белые завоеватели. Кто торговал рабами, обменивал людей на побрякушки? А современные авантюристы вроде Амабаги еще

опаснее. Они образованны, переняли опыт белых и потому могут еще изощреннее влиять на народ. Ведь африканцы по своей сути добры и простодушны.

– Когда свершится обряд жертвоприношения?

– В полдень.

А когда можно осмотреть больных?

– Не раньше завтрашнего утра.

– Но ведь мы потеряем почти сутки.

– Это лучше, чем потерять жизнь, мистер Эрмин.

– После жертвоприношения мы с Юсуфом сможем вернуться на базу в Гуверу?

– Нет, старейшины будут недовольны. Вы должны жить здесь. Для вас уже приготовлен дом.

– Но друзья подумают, что с нами случилась беда.

– О, не беспокойтесь. Анугу отправится в Нторо, где вы оставили моторную лодку, и успокоит ваших друзей. Вы передадите с ними записку. Скажите, у вас есть что-нибудь, что можно принести в жертву богу Бакама?

– Что именно? Что предпочитает бог Бакама?

– Какой-нибудь пустяк. Коробку из-под медикаментов, например...

– Зачем ему коробка?

Амабага мой вопрос пропустил мимо ушей.

– Старейшины согласятся на то, чтобы их лечил колдун вазунгу, но при одном условии...

– Каком?

– Бакама должен одобрить приношение.

– А он одобрит?

– Обязательно! Это моя забота. Так найдется у вас коробка?

– Из-под фансидара² подойдет?

– Вполне. А сейчас отдохните. Анугу проводит вас. Слуга будет жить в соседней хижине. Пустых хижин много. Когда пал скот, люди покинули деревню, ушли на острова.

– А вы не боитесь?

– Я переболел лихорадкой. К счастью, в легкой форме. К тому же колдуны не болеют. – Он улыбнулся.

– Что, помогает? – Я не без злорадства кивнул на его шаманское облачение.

– Вы напрасно иронизируете, мистер Эрмин. Народ гачига располагает средствами, о которых белые и понятия не имеют. Отец меня многому научил. Я знаю лекарства от укуса змей и могу лечить тропические болезни.

– Конечно. Ведь Анугу вам наверняка поставляет медикаменты фирмы «Бауэр».

– Ну и что? – Глаза у Амабаги сузились. – Может, вы назовете мне врачей-вазунгу, которые бы охотно поселились в здешних местах?

– Насколько я знаю, недавно гачига напали на вертолет с врачами.

– Верно. Но ведь именно с вертолетов опыляли ручьи и

² Фансидар – противомалярийный препарат.

реки. После этого сталидохнуть рыба, птицы. Как должны были поступить гачига?

– А как же ваше влияние, великий Амабага?

Амабага остро глянул на меня, но сдержался.

– Если бы я мог покончить с лихорадкой, вы бы здесь не сидели, мистер Эрмин.

– Ладно, не будем спорить. Сколько сейчас больных? И вообще, какова обстановка? Имейте в виду, мне нужны точные данные.

Амабага кратко, но довольно квалифицированно доложил. От его бесстрастного голоса у меня мурашки бегали по спине. И то, что он говорил спокойно, на хорошем английском, странным образом усиливало впечатление. А правда была жуткой: скот погиб весь. Племя удалось расселить на двух больших островах среди болот. Переселиться на острова, уйти от опасного места предложил он, Амабага, но болезнь не прекратилась. Теперь болеют в основном дети и женщины. Старейшины кланов недовольны Амабагой, доверенные люди предупредили, что его собираются убить. К сожалению, враги и завистники есть и здесь. Он, Амабага, неплохо стреляет из автомата, воевал в Конго, но разве спасешься от ядовитой стрелы, пущенной тебе в спину?

Я перебил его.

– Скажите, Амабага, существуют ли гарантии безопасности для моих людей?

Великий колдун посмотрел на меня с недоумением.

– Я и есть гарантия вашей безопасности. Гачига не посмеют напасть... Убить колдуна-вазунгу – значит лишиться покровительства бога Бакама. Убедить их в этом – тоже моя забота. Потому и нужен обряд жертвоприношения. Ну а мне убивать вас вообще не имеет смысла. Удачное проведение операции по спасению гачига в какой-то мере реабилитирует меня перед властями. Я не собираюсь торчать среди этих болот вечно.

Амабага помолчал, налил себе виски, выпил.

– Нападение на вертолет – моя оплошность. Я решил, что прилетели полицейские... Пишите записку, мистер Эрмин, Анугу должен вернуться к началу жертвоприношения. И, пожалуйста, не предпринимайте без меня никаких шагов. И слугу предупредите. До тех пор, пока вам не поверят, за вами будут следить воины гачига.

– Ну и когда вы собираетесь разыграть спектакль с жертвоприношением?

Амабага взглянул на часы, сдержанно сказал:

– Часа через два. Ваша хижина стоит сразу за моей. Прикажите слуге, чтобы он сам подготовил ее. Так надежнее. И отдохните. Путь предстоит неблизкий.

Путь действительно оказался неблизким. Сначала шли на лодке – греб Анугу. Он успел отвезти мою записку в Нторе и вернуться. Амабага сидел неподвижный, величественный в ритуальном одеянии.

Потом мы довольно долго – так, по крайней мере, мне показалось – шли по едва приметной тропинке. Впереди великий колдун, за ним я, шествие замыкал Анугу. С того момента, как мы ступили на землю гачига, я не видел больше ни одного человека.

Спина Амабаги, обтянутая шкурой леопарда, раскачивалась передо мной. Ритуальные погремушки издавали на ходу сухой, дребезжащий звук. У меня появилось неприятное чувство, словно я принимаю участие в дурацком розыгрыше. В сущности, так оно и было. Самозванный белый колдун идет к Дереву духов, чтобы участвовать в жертвоприношении великому богу Бакама. Как вам это нравится? Утешает мысль, что участвую я в спектакле из гуманных соображений.

Тропинка вывела к подножью высокого холма. Когда, перемазанные клейкой глиной, мы поднялись по раскисшему склону, выяснилось, что это не холм, а остров, со всех сторон окруженный зарослями камыша и папируса. В центре острова вытоптанная до блеска поляна, посреди поляны – дерево. Его можно было принять за молодой баобаб, если бы не

яркие цветы, словно нанизанные на нити. Гирлянды цветов, сверху донизу прошивающие редкую крону, рождали ощущение праздничности, новогодней елки. Нижние ветви дерева касались земли, но чем выше, тем упорнее они, точно молитвенно заломленные руки, тянулись вверх.

По обе стороны развернутым каре стояли воины с длинными копьями и квадратными щитами. Металлические наконечники копий сверкали на солнце. Лица воинов были раскрашены белой и красной краской. Все это я уже не раз видел и в американских фильмах: и жертвенные костры, и пестро раскрашенных воинов. В одном из фильмов белого миссионера сажали на кол, а потом тщательно обжаривали на костре, чтобы придать ему гастрономический вид.

Амабага повернулся ко мне, тихо сказал:

– Это и есть священное Дерево духов. От вас потребуется немного – передать мне коробку из-под лекарств во время ритуала. Надеюсь, у вас крепкие нервы.

– Делайте свое дело, коллега.

Анугу коснулся моей руки и поощрительно кивнул: мол, все в порядке.

Мы остановились метрах в тридцати от Дерева духов. Казалось, толстый ствол обтянут кожей какого-то животного, между нижними ветвями, поросшими мхом, зияли темные дупла. В дуплах, надо полагать, обитали духи, а возможно, и сам бог Бакама.

Дерево духов я видел впервые, хотя культ священных де-

ревьев, под которым совершается обряд жертвоприношения, широко распространен в Африке. Но туристам, и вообще белому человеку, дорога к ним закрыта. А может, я и есть та самая жертва, которую привели на заклание? Интересно, испытывает ли подвижник чувство удовлетворенья, когда его пронзает копьё?

...Мое появление вызвало у воинов гачига движение, круг замкнулся. В центре площадки, метрах в трех от Дерева духов, виднелось сооружение, сложенное из камней и похожее на небольшую трибуну. Амабага взобрался на нее, сел и, слегка раскачиваясь, принялся что-то выкрикивать. Однообразные, режущие слух вопли ударяли по нервам, темп возрастал, тело Амабаги содрогалось в конвульсиях. Облик колдуна менялся на глазах: лицо оплыло, расслабилось, челюсть отвисла, глаза остекленели – он или действительно входил в транс или имитировал это состояние с артистическим блеском.

Вот он приподнялся и, приплясывая на полусогнутых ногах, подражая, возможно, горилле, пустился по кругу. Воины в такт выкрикиваемым словам тоже приседали, раскачивались, их лица выражали то восторг, то удивление, иногда словно судорога пробегала по тесным рядам, рождая вскрик ужаса. К крикам Амабаги присоединился глухой рокот там-тама. Казалось, барабан звучит в самой глубине дерева.

Амабага вдруг оборвал танец, выхватил из моих рук коробку фансидара, поднял ее над головой – так, чтобы все ви-

дели, маленькими шажками приблизился к дереву и положил коробку в дупло.

Наступила настораживающая, ломкая тишина. Колдун замер, изображая внимание. Примет ли Бакама жертву?

Воины напряженно следили за Амабагой. Тот стоял, тяжело переводя дыхание, видно было, что его бьет озноб. Но вот он поднял голову, выпрямился и стремительным движением швырнул на землю какие-то кости. К нему приблизились два пожилых гачига, по-видимому, старейшины кланов, глянули на кости и молча, подняли над головой копья.

Анугу сильно сжал мое плечо: это означало, что Бакама отнесся ко мне одобрительно и теперь все будет хорошо. Вновь зарокотал тамтам. Воины пошли по кругу, через шаг высоко подпрыгивая. Я вытер платком лицо.

В деревню возвращались на большой пироге другим путем. Гребли два молодых воина. Над султанами папируса струилась, текла голубая дымка – от болот шло испарение, словно здесь, на экваторе, в гигантском котле варилось колдовское зелье. В темной воде отражалось небо. Оптический эффект поразительный: казалось, пирога скользит по воздуху, подгоняемая ритмичными гребками весел.

Амабага сидел, опустив плечи. Он устал. Непросто, видно, дались ему колдовские танцы. А может, он вводил себя в транс с помощью какого-нибудь средства? И сейчас действие препарата прекратилось?

На берегу меня ждал возбужденный Юсуф. Около хижин полыхал костер. Дымки костров и от соседних хижин – люди гачига возвращались в деревню.

– О, бвана! Я так беспокоился! – Лицо Юсуфа светилось радостью. Он что-то пришептывал, даже потрогал меня, чтобы убедиться, не являюсь ли я духом. – Скоро будет готов ужин. Бвана останется доволен. Редкое блюдо, сюрприз! – Юсуф прикрыл глаза, показывая тем самым, какое удовольствие меня ожидает.

Нужно было вымыться. Я взял мыло, полотенце и спустился к озеру. Противоположный берег заволокло дымкой, казалось, я стою на берегу моря, черные, с проседью волны

уходили к горизонту, смешиваясь с бугристыми, набухшими тучами.

Было тихо. В мертвенной тишине накапливалось напряжение. Казалось, еще мгновение – и произойдет непоправимое. Дикое одиночество охватило меня. Представил, что вот так будет чувствовать себя последний человек, оставшийся на планете. Я стоял, боясь пошевелиться. Не покидало ощущение, что кто-то недобрый смотрит на меня с темнеющего неба. В тропиках в короткие промежутки между светом и тьмой что-то происходит с психикой, ужас обволакивает душу, и порой требуется усилие воли, чтобы не закричать, не броситься бежать...

Костер шипел, выстреливая искры. Юсуф приволок откуда-то пень: получился стол. На него торжественно поставил большую глиняную сковороду, накрытую чистой тряпицей. Булькала в походном чайнике вода. Я присел у костра, протянул к огню руки. Меня бил нервный озноб.

– Может, нам пригласить на ужин Амабагу?

– Его нет, бвана. Он уплыл с воинами на лодке.

– Тогда Анугу.

– Анугу не посмеет приблизиться к костру вазунгу. Садитесь ужинать, бвана.

Юсуф снял тряпицу и восхищенно поцокал языком:

– О, бвана останется доволен.

– Что это?

На сковороде ровными рядами лежала крупная саранча. В

пляшущем свете костра казалось, что саранча еще шевелится. Судя по сияющей физиономии Юсуфа, в это аппетитное блюдо он вложил не только все свое кулинарное искусство, но и душу.

Меня едва не стошнило. Так и надо дураку. Нечего строить из себя тропического гурмана. Подавайте ему блинчики «по-сайгонски»! Потребовалось немало сил, чтобы неприжженным голосом пояснить Юсуфу, что наш закон запрещает есть саранчу после захода солнца. Не бог весть, какая удачная выдумка. А что, если он поджарит саранчу после восхода? И, чтобы укрепить свои позиции, я сказал великому кулинару, что в походе никогда себя не балую такими изысканными блюдами. Расслабляет. Не лучше ли подождать, когда мы вернемся в Омо?

– Хорошо, бвана, – покорно согласился Юсуф, – но как быть с едой? – Он указал своей клешней на глиняную сковороду.

– Если тебе нравится, съешь, пожалуйста. Кстати, где ты раздобыл этих милых кузнечиков?

– Пока вы ходили с Амабагой, прилетела целая туча... Я наловил полный мешок.

У меня снова ком подкатил к горлу. И я жалобно попросил:

– Может, мы лучше выпьем кофе?

– Как прикажете, бвана.

Звезды висели над головой. Дымный свет прочертил

Млечный Путь. Золотые точки созвездия Плеяды зависли у самого горизонта – верный признак скорого окончания сезона дождей.

Юсуф вздохнул.

– Мадам Кристина рассказывала, что на небе светятся другие земли. Но почему же тогда они падают? Разве может земля падать с неба? Нет, это глаза бога Ньябинги. У него много глаз. И когда человек умирает, Ньябинги плачет, и мы видим, как падают слезы. Ньябинги много плакал, когда умер молодой бвана Руди. Я очень любил Руди, он был мне как сын. – Юсуф опустил голову. – Я научил его всему, что знает наш народ. Зачем он поехал в страну, где, говорят, в холодный сезон вода становится тверже дерева и идет сухой дождь? Кому нужен сухой дождь? И разве нельзя учиться на большого бвану в Найроби или Дар-эс-Саламе? Если бы Руди остался жив, я не был бы теперь одинок, как старый слон...

Ночь заполнена звуками и шорохами. Где-то рядом возит-ся, взвизгивает и постанывает обезьяна, равномерно гудит лес, точно работает таинственный механизм. Но вот гул нарушается мощным рыком. Ночные птицы и цикады объединены страстным желанием перекричать друг друга.

В тростниковой хижине стоит одуряющая духота. Под накомарником дышать совсем нечем. Рядом со мной на ложе единственное оружие – мощный аккумуляторный фонарь.

Когда станет совсем неспособно, можно нажать на кнопку, и голубоватый луч вспорет спрессованную темноту.

В детстве, помню, меня потрясла книга «Янки при дворе короля Артура», где герой вдруг проваливается в Средневековье. Мои ощущения похожи на чувства человека, вдруг оказавшегося в каменном веке.

Общество проделало путь от нейлона до искусственного меха, который трудно отличить от натурального, а здесь люди носят набедренные повязки и накидки, сплетенные из волокон сизаля. Здесь деньги не имеют цены, и популярностью пользуются не доллары, а монетки с дыркой. Во времена изящных зажигалок «Ронсон» огонь добывают трутом...

Нужно отдать должное Амабаге, он превосходный режиссер – сцена у Дерева духов поставлена профессионально. Пусть коробка из-под фансидара сыграла роль тотема. Неплохой ход. Мне стало жаль гачига. Их бог демократично живет в дупле, ему не нужен Руанский собор. И вековые предрассудки гачига выглядят, думается, естественней, чем суеверие интеллектуалов.

У меня в Москве есть знакомый физик, кандидат наук, который серьезно занимается спиритизмом. Да что там спирит-любитель! В Англии функционирует официальное общество спиритов. А знахарство, черная магия и прочая галиматья? Волны интереса к оккультным наукам периодически захлестывают человечество. Расщепили ядро, заглянули в ген, а к бабкам-ворожеям и всякого рода знахарям и по

сей день паломничество. Отчасти это объясняется извечной верой человека в сказку. Но согласитесь, одно дело – знахарь-туземец, другое – кудесник, который лечил все болезни настоем из требухи. Причем никаких ритуалов, все, как в винном магазине: платишь деньги, получаешь бутылку зелья.

В первобытном знахарстве, по крайней мере, есть нечто поэтическое. Однажды в небольшой деревушке на берегу Красного моря я наблюдал, как священнодействует знахарь-бедуин. Меня, неверного, укрыли за занавеской в палатке знахаря, чтобы я в щелку мог ознакомиться с его методами работы. Да-а, если бы у нашего задерганного поликлинического врача была хоть треть времени, которое знахарь тратит на прием больного!

И это не прием, а действие. В нем и пение сур из Корана, и письменное обращение к Аллаху. Причем записка с просьбой закладывается в раковину моллюска, а раковину кладут на тлеющие угли. Чтобы слова прошения точно попали по адресу, больной должен вдыхать дым и читать молитвы, после чего знахарь несколько раз ударяет страдальца по голове куриным яйцом, воплями изгоняя злой дух. Появись такой целитель в Москве, где-нибудь на Якиманке, к нему бы записывались на прием за год вперед...

Перед глазами вновь замелькали картины на сегодняшнем шоу. Шоу для меня и Амабаги, но люди, дергающиеся в конвульсиях под Деревом духов, верили и в бога Бакама,

и в мое божественное предназначение. Верили искренне и готовы были умереть за веру.

Среди писка и шелеста джунглей возник вдруг чужеродный звук. Я с удивлением прислушался. Так и есть, пианист на другом континенте исполнял мелодию Джорджа Гершвина. Ясно. Великий колдун Амабага включил транзистор. Батарейки, что я привез,годились.

14

Утром меня разбудил крик Юсуфа.

– Бвана, проснитесь! Бвана!

Влажная темнота хижины насквозь прошита упругим пучком света – луч падает из круглого отверстия. Любопытно, как я вчера пролез в эту дырку?

– Заходи, Юсуф.

Я с трудом выпутался из накомарника, он отяжелел, набряк от влаги.

– Как дела, Юсуф?

– Все очень хорошо, бвана. Надеюсь, вы хорошо спали?

– Отлично.

– Я принес вам воды умыться. Через несколько минут будет подан завтрак. Я не знаю, нужна ли горячая вода для бритья? – Он с восторгом смотрит на мои усы.

– Юсуф, ты хочешь, чтобы я их сбрил? – Я намотал на палец колечко жестких волос.

– О нет, бвана. – Юсуф говорил с таким испугом, словно я собрался сам себе удалить ногу.

Когда бог Бакама создавал воду, он знал, что делал. Даже отдающая болотной гнилью вода – источник бодрости.

В тропиках неплохо знать, кто вас посещает ночью. С фонарем обследую хижину. По противомоскитному пологу прогуливаются комарики. Не нужно быть большим спе-

циалистом по медицинской энтомологии, чтобы понять, что они относятся к роду мансония: характерные усики, пятна на крыльях. В ярком свете фонаря они дружелюбно демонстрировали свои отличительные знаки. Комарики эти переносят геморрагическую лихорадку. Факт немаловажный.

Под своей койкой я обнаружил рубчатый след змеи. Теперь буду знать: прежде чем опустить ноги, надо посветить фонарем.

В круглое отверстие моего улья протиснулся Юсуф с деревянным подносом.

– А вот и завтрак, бвана.

Юсуф поставил поднос на обрубок дерева, заменявший стол. Кофе, поджаренный хлеб, банка рыбных консервов. Любопытно, как ему удалось поджарить хлеб. Насколько я помню, тостера у нас с собой нет. Неужели использовал ту глиняную сковороду, на которой вчера готовил саранчу?

Итак, если все пойдет по плану, Аугу скоро доставит моих помощников. Дальше – осмотр больных, забор материала на исследование, вакцинация, если, конечно, не будет сомнений, что мы имеем дело с Рифт-Валли.

Хорошо бы все обставить в ритуальном духе: так привычнее для гачига. Для массовой вакцинации необходим поток. Хижина отпадает. Тесно, темно. Нужно соорудить навес. И под тамтам! Идеальный вариант. Детали обговорю с Амабагой. Великий колдун, как я вчера убедился, неплохой постановщик всякого рода таинств.

Деревня даже утром, в дождь, выглядит праздничной и умытой. У нескольких хижин струится дымок. Гачига вернулись в деревню. Значит, мне удалось подавить у них страх.

Амабага встретил меня приветливо. На нем вылинявшие армейские брюки, рубашка цвета хаки. Трудно представить, что это он вчера в ритуальном облачении скакал у священного дерева.

– Не угодно ли присесть, мистер Эрмин? – Он пододвинул мне грубо сколоченный табурет. – Все хорошо. Старейшины вот-вот соберутся у моей хижины. Тогда и наметим конкретный план действий. Должен сказать, вы произвели на них сильное впечатление.

– Весьма польщен. А когда появятся мои помощники?

– Через час, не раньше. Анугу пошел за ними на большой лодке.

– Похоже, что люди гачига вернулись в деревню?

– Только здоровые, мистер Эрмин. Больные остались на острове. Что бы вы хотели сказать старейшинам? Они, наверное, уже собрались.

Я коротко пересказал Амабаге свои соображения по поводу навеса, процедуры подворных обходов и массовой иммунизации. Не забыл упомянуть о пользе ритуалов.

– Теперь вы большой друг бога Бакама. – Амабага усмехнулся. – Думаю, особых сложностей не будет. Скажите, мистер Эрмин, вы встречались с доктором Торото?

– Конечно. Он организует работу по ликвидации эпиде-

мии. Насколько мне известно, Торото – ваш одноклассник.

Амабага кивнул.

– К сожалению, наши пути разошлись... Но мне бы хотелось, чтобы Торото знал, что я все делаю для пользы гачига.

– Разумеется. Президент лично следит за ситуацией в этом районе. Я думаю, для вас это лучший способ разрешить недоразумения.

– Пожалуй. Ну что, давайте выйдем к старейшинам.

Старейшины сидели на обручке ствола пальмового дерева. Изможденные лица, жидкие бородки в редкой проседи. У самого старшего бельмо на правом глазу – речная слепота.

Вид у старейшин был угрюмый, при нашем появлении они не встали и вообще не выказывали особой заинтересованности. Спокойно выслушивали мои предложения в переводе Амабаги, изредка прерывая их короткими восклицаниями, покивали усохшими головами и разошлись.

– Старейшины чем-то недовольны?

– Вчера вечером умерли еще две женщины и ребенок. Они просят поскорее приступить к изгнанию злого духа. Теперь все зависит от вас, мистер Эрмин. Как вы полагаете, сколько времени потребуется, чтобы приостановить болезнь?

– Трудно сказать. Я ведь еще не видел больных... Но не меньше недели.

Я знал, что говорю. Судя по числу заболевших, выгорело минимум десять процентов племени, а это означает, что эпидемия вот-вот захлебнется, а вакцина прикроет осталь-

ных. День разгорался.

– Скажите, Амабага, почему гачига живут среди этих ужасных болот?

– Им негде больше жить, мистер Эрмин. Они пришли сюда, спасаясь от вазунгу. Гачига свободолюбивы, не терпят над собой власти. Заметьте, они не стали ни католиками, ни протестантами, а, как и их предки, поклоняются богу Бакама. Простите, я не спросил, как вы провели ночь?

– Спасибо, вполне терпимо.

– Можно еще вопрос, мистер Эрмин?

– Пожалуйста.

– Что заставляет вас... заниматься таким делом? Ведь вы рискуете. Деньги?

– Я вчера впервые присутствовал на обряде жертвоприношения. И он мне понравился. Да, представьте себе. Так вот, у меня тоже есть Дерево духов. Я служу ему как могу...

Амабага недоверчиво глянул на меня, но промолчал.

Мои помощники появились часа через два. Я уже стал терять терпение. Впереди важно шествовал Анугу, за ним плелись Мгунгу и Акоре. Вид у них был невеселый. Шествие замыкали два воина с поклажей.

Увидев меня, Мгунгу сказал:

– Мистер Эрмин, мы думали, с вами что-то случилось.

– Я же послал записку. Ладно, Мгунгу, все в порядке. Рад вас видеть. Времени у нас мало, придется обойтись без от-

дыха. Вы, Мгунгу, пойдете со мной на остров осматривать больных, а Юсуф и Акоре займутся подготовкой прививочного пункта.

Акоре согласно кивнул и подтянулся – в нем чувствовался солдат. Юсуф принес мой врачебный чемоданчик и флягу с водой.

В лодке нас уже ждал Амабага с двумя воинами. Они были сильно истощены, глядели на меня с любопытством. Сколько небылиц сочинили про кровожадных африканцев, а они доверчивы, как дети. Им удалось сохранить то, к чему иной цивилизованный европеец относится порой с усмешкой: готовность бескорыстно прийти на помощь ближнему, уважение к законам племени и старшему по возрасту. Да и многое другое, в том числе и веру в чудо.

Еще я подумал, что профессионал во мне уже берет верх. Тяжелая дорога, утомительный обряд, бессонная ночь – все отошло назад, уступая место интересу, который и должен испытывать эпидемиолог, если ему не осточертела его профессия.

И в нашем ремесле бывают пики, что-то вроде звездного часа. Были пики и у меня. Например, я видел сомалийца Али Мауф Маалина – последнего на земле больного оспой. Оспа уничтожена, это ли не проявление величия человеческого духа?

Я знал, что сейчас увижу, знал, как поступлю. Обычная цепь профессиональных действий, где за каждым движени-

ем стоит опыт, многие и многие дни, проведенные в лабораториях и эпидемических очагах. Никаких чудес, к сожалению, не предвидится. Работа.

Воины гребли беззвучно. Лишь изредка тяжелые капли срывались с весел и падали на дно лодки.

Остров, окруженный зарослями папируса, медленно двигался. Послышался отдаленный рокот тамтама. Обитателей острова предупреждали о нашем приближении.

Гражданин мира

1

Вторую половину августа я обычно провожу на итальянском курорте Лидо ди Езоло, всегда останавливаюсь в отеле «Европа». Я заранее резервирую номер с видом на море, пляж в пяти минутах ходьбы, в холле отеля уютный бар, в котором можно сидеть часами, глядя на пеструю толпу туристов, стекающую по многокилометровой центральной улице Адреа.

Нынешним летом на курортах Венецианской Ривьеры вошли в моду длинные, до колен, купальные трусы самых диких расцветок. Трусы выглядели одинаково нелепо как на тощих подростках, так и на тучных отцах семейства. Женщины предельно обнажились. Я давно отметил, что человечество, утратив эстетические ориентиры, потянулось к уродству: в моде бритые черепа, накачанные силиконом груди, туземные татуировки и пирсинги в ушах, носу и даже в потаенных интимных местах.

Да, я забыл представиться: Пьер Симон, художник, писатель, журналист. В той, прежней, жизни, которая теперь мне самому кажется выдуманной, меня звали Петр Семенов. Я – парижанин, более тридцати лет живу в студии на рю Ла-

файет. Мне круто за пятьдесят, но редко кто дает больше сорока пяти, рост метр восемьдесят пять, блондин спортивного сложения. И то, что я слегка прихрамываю, – следствие огнестрельного ранения, по утверждению одной итальянки, придает мне особый шарм.

Я довольно состоятелен, к тому же неплохо зарабатываю, пишу для газет и журналов очерки, эссе, оформляю книги, рисую карикатуры, иллюстрации к комиксам. А недавно в одной из престижных галерей в Париже состоялась выставка моей графики. Я здоров, лишь изредка пользуюсь услугами стоматолога, единственное, что беспокоит, – бессонница. В Лидо ди Езоло я борюсь с ней испытанным способом: душными вечерами сливаюсь с толпой, фланирующей по центральной улице курорта, и как бы становлюсь частью этого плотного потока, в котором утрачивается индивидуальность, а значит, исчезает и прошлое. Прошлое таит в себе опасность.

Толпа приплясывает, поет, дудит в дудки, хохочет. Хлопают петарды, в черном небе с треском рассыпаются разноцветные звезды фейерверка, по велосипедным дорожкам шуршат шины четырехколесных велокаров, восторженно визжат дети, молодые парочки, обнявшись, ныряют в черные провалы улиц, ведущих к морю, и там, на песчаном пляже, предаются любви. На уличных перекрестках какие-то молодые люди в цилиндрах подбрасывают в небо светящиеся шары.

Человеческая река, достигнув полутемной окраины, разворачивается и течет в обратном направлении. Магазины, лавки с сувенирами, рестораны, кафе, бары забиты туристами, они едят, пьют, смотрят телевизоры, и в равномерном гуле, напоминающем усиленное воркование голубей, ощущается страстное желание жить, словно на Землю уже нацелился метеорит-убийца и населению планеты отмерены не годы, а дни или даже часы. Я обхожу любимые бары, понемногу алкоголь делает свое дело, возвращаюсь в отель, принимаю душ и валюсь в черный осклизлый колодец, на дне которого возникают и гаснут сны. Сны – единственное, что меня связывает с прошлым, сны реальнее воспоминаний. Воспоминания как бы принадлежат другому человеку.

Вчера мне приснился Гриша Снесарь. На нем была форма советника: хаки, высокие шнурованные ботинки, на поясе кольт сорок пятого калибра в брезентовой кобуре. Так он выглядел на фотографии африканского периода. Гриша погиб в Эфиопии на границе с Суданом в 1978 году, я в это время был в Эритрее.

Алкоголь спасает до трех утра, когда за окном гаснет шум резвящейся толпы, вновь оживает бессонница. Ее не прогнать и ничем не перебить, она – живая субстанция, что-то вроде искусственно созданного интеллекта, с которым неизбежно вступаешь в спор, мысли отрывисты, я не могу их собрать в некую логическую схему, фразы всплывают, гаснут,

как на мониторе компьютера.

В последнее время меня стали раздражать люди. Чтобы до предела сократить общение с соплеменниками, я встаю в пять утра. Пляж пуст, на лежаках капли росы, вода прозрачна, в воздухе скользят чайки, на голубой линии горизонта медленно движется белый лайнер. Природа стерильна, и строй мыслей иной, чем ночью.

Портье вызывает такси, я еду в Punta Sabbioni, сажусь на рейсовый теплоход и через сорок минут оказываюсь в Венеции, на площади Святого Марка. Венеция прекрасна ранним утром. Гранд-канал выкрашен в голубой цвет, голуби опрятны, туристов мало, магазины закрыты, и в воздухе еще не стоит гнилостный запах потревоженной воды. Я брожу по узким улочками, и звук моих шагов эхом отлетает от старинных, в прозелени стен древнего города. Завтракаю обычно в кафе на пьядца Santi Giovanni e Paolo. Свежие булочки, кофе, апельсиновый сок. Город-мираж, любимая игрушка человечества, постепенно просыпается. В сумке альбом, блокноты, ручки, карандаши. В кафе я и работаю. Зарисовки, наброски, фрагменты эссе с иллюстрациями. Всю эту дребедень охотно покупают американские, французские, бельгийские и немецкие журналы, особенно если в зарисовках или в тексте есть некоторая фривольность. Я вполне могу не работать, но сам по себе факт, что, доставляя себе удовольствие, я неплохо зарабатываю, создает иллюзию некой душевной гармонии.

Сегодня я проснулся поздно, с тяжелой головой – вчера перебрал в баре, привел в отель молодую датчанку, широкоплечую, мускулистую. Едва выпроводил ее под утро. Чашка кофе в баре отчасти вернула меня к жизни. Сел в автобус, следующий в порт. В салоне бубнили итальянцы. Самая говорливая нация в мире. На площади Святого Марка копошились туристы, в толпе мелькали ряженные в маска, рожденные болезненной фантазией Иеронима Босха. В любимом кафе с трудом нашел свободный столик. Напротив, за сдвинутыми столами, разместились молодые туристы из России. В центре – рослый, красивый парень, длинные светлые волосы перехвачены кожаным ремешком, какие в старину носили ремесленники. Большие солнцезащитные очки закрывали часть лица.

– Леха, ну спой что-нибудь, – попросила одна из девушек.

Парень извлек из футляра гитару и, настроив, запел хрипловатым, приятным баритоном. Я отложил альбом и прислушался. Леха пел песню, которую я слышал в России в исполнении Гарика Сукачева:

Свобода! Этот дурманящий запах,
Свободный дух обоняют носы.
Строй диссидентов восьмидесятых
Следуют в сторону колбасы.
Прощайте, герои...

Попытался вспомнить, где я впервые услышал песню, и не смог. Скорее всего, у Марианны. У нее стеллаж с дисками.

Светловолосый отложил гитару, снял очки, и я вздрогнул, насколько этот доморощенный бард был похож на поэта Олега Охупкина. Сходство поразительное. Холодком обдала мысль: в последнее время меня окружают мертвецы. По площади стекала группа туристов из Швеции, и мне показалось, что среди них вышагивает Гриша Снесарь с армейским рюкзаком за плечами.

Впервые имя питерского поэта Охупкина назвала моя двоюродная сестра Марианна, затем, несколько лет спустя, Одиль Дюран. Господи, сколько воды утекло с того времени!

После первого курса Военного института иностранных языков во время летних каникул я махнул в Ленинград погостить у своего дяди – Василия Григорьевича, полковника, преподавателя Артиллерийской академии. Дядя Вася частенько заезжал к нам в Москву. Как-то приехал с дочерью Марианной, нескладной, пухлой девицей, была она тремя годами старше меня и вся ее энергия уходила на то, чтобы выказать мне свою неприязнь.

В Ленинграде я был впервые и, когда поезд остановился под закопченными сводами Московского вокзала, испытал что-то вроде разочарования, которое усилилась, когда за окном «Волги» замелькали однообразно серые дома Литейного проспекта, рассеянного прямыми скучными улицами, в

глубине которых стоял зеленый туман. «Волга» свернула на Моховую и замерла у шестиэтажного дома в стиле модерн начала двадцатого столетия: лепка, витражи, на фасаде ангелочки, похожие на рептилий, подъезд, убранный решеткой, за которой проглядывался двор-колодец.

Первое ленинградское потрясение (потом их было немало) – Марианна. Дверь открыла красивая блондинка, в которой трудно было узнать мою обидчицу. Разве что голос. Глянув на меня, она, усмехнувшись, пропела:

– Па-а-а! А что это за тип? Грузчик со станции «Ленинград-товарная»?

– Маша, принимай гостя. То твой брат, Петя.

– Быть не может, па-а-а! Тот был хилый какой-то, слизнячок. А это мужик. Ты ничего не напутал?

Мог ли я тогда предположить, что через много лет Марианна станет мне самым близким человеком, а летние каникулы в Ленинграде обернутся одной из ярких страничек моей путаной жизни, в которой будут и Анечка, и долгие прогулки по Северной столице, и поездка в Зеленогорск. Шаг за шагом Марианна откроет мне мир Петербурга: Мойку, Фонтанку, дом, где жил Достоевский, Летний сад, в котором из густеющей к вечеру синевы проступают мраморные статуи. Марианна заканчивала филологический факультет Ленинградского университета и знала много такого, о чем я и представления не имел. Незадолго до моего отъезда в Москву Марианна спросила:

– Петя, кто из поэтов тебе нравится? Классики – ясно. Возможно, Евтушенко, Вознесенский. Все это вроде супового набора для интеллигента средней руки. А вот Ахматову и Пастернака тебя приходилось читать?

– Если честно, нет.

– Да-а. Ну, а о поэтах «второй культуры» что-нибудь знаешь? Охапкин, Кривулин, Бобышев.

– В смысле «поэты второго сорта»?

– Петя, да ты просто дуб, вроде моего Игорька. Но тот, понятно, артиллерист, ему поэзия по фигу.

– Да и я не студент филфака. Кстати, сестричка, а кто у нас Игорек?

– Мой жених майор, защитил кандидатскую, его оставили на кафедре, где преподает отец. Папаша мне его и сосватал. Игорек докторскую диссертацию кропает. Вот посмотришь, я из него генерала сделаю.

...Пройдет без малого десять лет, и мы втроем, Марианна, я и Одиль, будем сидеть на кухне этой старинной квартиры на Моховой. Мой дядя к тому времени упокоится на Волковом кладбище. Вот тогда я и познакомлюсь с поэтом Олегом Охапкиным. И оттуда, из полузабытого далека, передо мной всплыло красивое, усталое от многодневного пьянства лицо поэта, его темно-русые волосы были перехвачены кожаным ремешком. Лицо возникло и исчезло.

На край моего столика уселась белоснежная голубка, у нее были розовые лапки и черные глаза Одиль. Рядом, гремя сту-

льями, размещались туристы из Германии, несмотря на раннее время, мужчины были уже изрядно навеселе. Двойник Охапкина перебирал струны гитары, голубка вспорхнула и растаяла в розовеющем от зноя небе.

2

И опять снился Гриша Снесарь, но не заматеревший, в форме советника, а совсем юный – худенький, в клетчатой рубашке, коротковатых брюках. Мы шли с ним по улице южного города, нас обтекала толпа, угрюмая, молчаливая, у всех были знакомые и вместе с тем трудно узнаваемые лица. Гриша сказал: «Видишь, их давно уже нет, а они все идут и идут». Затем тускло освещенные аллеи парка, между деревьев неясные фигуры людей, они возникают, исчезают и появляются вновь...

Я лежал во тьме, в отдалении шумело море. Второй день дул северо-западный ветер, но он не принес на побережье Адриатики прохлады. Сквозь серую пелену проступило лицо тети Поли. Она была чем-то недовольна, губы поджаты. «Ты поставь Григорию свечку, ему там и полегчает», – сурово сказала она. Это был не сон, а скорее видение. У меня на лбу выступили бисеринки пота.

...Мне было два года, когда семья переехала из Кишинева в Краснодар и там, в столице Кубани, я наконец вырвался из пестрого хаоса младенчества, где определяющими были яркие цвета и запахи. Первое постижение жизни, родства: мать, отец, домработница тетя Галя. Муж Галины Ивановны умер от ран после войны, она работала уборщицей в городской бане, что на Красноармейской улице. Семья жила

впроголодь. Я не помню, кто порекомендовал моей матушке Галину Ивановну в качестве домработницы, но мои занятые родители вздохнули свободно, когда в доме появилась эта улыбчивая, работающая женщина. А чуть позже появился и ее сын Гриша, черноглазый, худой, большеротый мальчишка, ставший для меня единственным другом.

Мои мудрые родители сделали все, чтобы я ничем не отличался от Гриши. Мы вместе ходили в детский сад, потом в школу, учились в одном классе. И ели мы всегда за одним столом. Нас считали братьями. Гриша с матерью жили в доме на углу улиц Ворошилова и Леваневского. После нашей розовой пятиэтажки, где обитали семьи крайкомовского начальства, двор Гриши Снесаря поразил меня своим уютным захолустьем. Сложенные из кирпича домики лепились один к другому, во дворе стояли беленные известью печки, на которых летом готовили еду, посреди двора торчала чугунная водопроводная колонка, а в конце щели между оббитыми бурой жестью деревянными сараями помещалось «удобство» выгребного типа.

Населен двор был интереснейшими людьми. Там был свой сумасшедший, свой толстяк – самый толстый человек в городе, обитала колдунья и ворожея, жила тайной жизнью воровская семейка Пашенных, компанию дополняли бывший командир подводной лодки и самоубийца Ленька-моряк, постоянно убегавший из дома и застрелившийся из нагана, когда я учился во втором классе. Разнообразие характеров,

сложность взаимоотношений, терпимость, взаимовыручка, добро и зло обозначены были в этом дворе просто и четко.

Мама иногда разрешала мне ночевать у Гришки. И как необычно было засыпать на жестком топчане в крошечной горнице, особенно летней ночью, когда в распахнутое окно затекал запах влажной земли, слышались приглушенные голоса и смех укладывающихся во дворе на ночлег жильцов. Часов в пять утра тишину раскалывал грохот – сумасшедший Игорь выкатывал со двора тачку, отправляясь на вокзал на заработки. Железные колеса лязгали по булыжникам мостовой. Как часто в Париже в своей студии на рю Лафайет я вспоминал краснодарские ночи, вставал, шел к бару, выпивал глоток бурбона, а утром просыпался с мокрым от слез лицом.

Иногда мы с Гришкой отправлялись в дальние путешествия. На велосипедах мы уносились по шоссе в сторону Энема, мост гудел под колесами, а внизу пласталась могучая река Кубань. В лицо бил упругий ветер, он пах перезревшими помидорами и нагретыми за день початками молодой кукурузы. Иногда мы срывались на рыбалку.

В 1966 году отца перевели на работу в Москву, я скучал по Гришке, но через три года переписка оборвалась, и я до поры ничего не знал о судьбе друга.

Чиркать карандашом в блокноте я стал с детсадовского возраста, в начальных классах оформлял школьную стенгазету, в Москве, когда я стал ходить в кружок рисования при

Доме пионеров. Учился я средне, четверки, пятерки по гуманитарным предметам, легко давался французский, а по математике и физике плелся на троечках. Физику, помнится, вел желтолицый раздражительный старичок, с копной жестких, как проволока, седых волос, торчащих в разные стороны. По школьной традиции ему дали прозвище Швабра. Как-то раз я одним росчерком нарисовал карикатуру на Швабру. Сосед по парте Костя Лялин восхитился: «Гениально! Сделай несколько зарисовок, я покажу их матери, она работает художником в издательстве, книжки оформляет. Давай после уроков ко мне. Я тебе кое-что покажу».

Лялин жил в мрачном доме на Дорогомиловке. В квартире-мастерской царил невообразимый хаос: вдоль стен громоздились картины, подрамники, рулоны бумаги, у широкого окна громадный стол, заляпанный краской. Часть комнаты выгорожена ширмой – там обитала мать Кости. В уголке однотумбовый стол, за ним Лялин делал уроки. Витая железная лестница вела на антресоли, там кто-то громко храпел. В комнате-мастерской стоял бражно-кисловатый запах, словно недавно открыли бочку с капустой. Я, с детства приученный к чистоте, когда за порядком в квартире следит домработница, паркетный пол натерт мастикой, хрусталь в горке отбрасывает на стену солнечные зайчики, а цветы в горшках издают едва различимый аромат, опешил и замер на пороге.

– Проходи, чего ты?

– Никого нет?

– Нет. Мать с эскизами у автора.

– А кто же храпит?

– Федор Константинович, портретист, любовник матери.

Третий день в запое. Не обращай внимания. Да не снимай ботинки, кругом гвозди валяются.

Лялин, сдвинув тюбики с красками, разложил на огромном столе мои рисунки, прищурился:

– А что, здорово. Во всяком случае, необычно... Ты, где учился?

– Нигде. Так, сам.

– Приходи к нам в кружок рисования при Доме пионеров. Ведет кружок Семен Семенович Ципко. Не бог весть какой педагог, но руку поставить может.

Откуда мне тогда было знать, что мои карикатуры будут охотно публиковать ведущие иллюстрированные газеты и журналы Старого и Нового Света и что я буду оформлять книги нобелевских лауреатов.

Отцу некогда было заниматься мной, мама умерла, когда я учился в седьмом классе – за два месяца сгорела от острого лейкоза, – единственным человеком, кто серьезно отнесся к моему увлечению рисованием, была тетя Поля.

Полина Силовна Морозова появилась у нас незаметно. К тому времени в квартире уже хозяйничала приходящая домработница Зинаида Павловна, полная дама с обвисшими щечками, подкрашенными губками, которые она постоянно облизывала, отчего казалось, что она сосет леденец. Говори-

ла она, жеманно сюсюкая: «Коклетки, мяско, крикаделечки, борщик». Белый фартук, кружевная наколка на вытравленных перекисью волосах, оттопыренный мизинец. И пахло от нее какой-то сладкой, прилипчивой помадой. Я возненавидел Зинаиду Павловну с первых дней, ревновал к тете Гале, матери Гришки. Готовила домработница отвратительно. Отец дома только завтракал, а давиться «супчиком» и «мяском» приходилось мне. Зинаида Павловна была обидчива, плаксива, к тому же я заметил, что она стащила у покойной матери дорогую косметику.

Полина Силовна была ее полной противоположностью. Первое, что мне пришло в голову, когда я ее увидел, это поразительное сходство с портретом Софьи Ковалевской из учебника математики. И одета так же. Отец пригласил Морозову на роль репетитора, чтобы подтянуть мой французский язык и дать уроки английского. Таков был наказ моей покойной матушки. Раньше Полина Силовна преподавала в педагогическом институте.

Я не запомнил, как исчезла Зинаида Павловна, зато отпечаталось в памяти, как воцарилась в нашей семье Полина Силовна, мне казалось, что ее слегка побаивается даже отец. Тетя Поля никогда не повышала голоса, вполне хватало ее интонации, отец не надевал галстук без ее совета, она же следила за его гардеробом, звонила при надобности упраделами, ходила в цековский распределитель. Самой уничижительной фразой ее была: «О нет, это моветон». В десятом

классе я свободно говорил на французском и мог недурно объясниться на английском языке.

Отец к моему решению поступить в Строгановку отнесся неодобрительно:

– А оно тебе нужно?

– Больше меня ничего не интересует.

– Ну, положим, ты еще сам себя хорошо не знаешь. Художник, к тому же прикладник, какая-то несерьезная профессия. Впрочем, решать тебе. Как ты понимаешь, в качестве протеже я выступать не буду.

– Догадываюсь.

Меня срезали уже на творческом конкурсе. Профессор в замыганном пиджачке сказал:

– У вас, молодой человек, искаженное сознание. Графика – сплошные модернистские выверты.

Костя Лялин с его тщательно выписанными кубами, гипсовыми обломками и слащавыми акварелями легко преодолел конкурс и так же легко поступил в институт.

Из Строгановки я возвращался пешком. Зашел в рюмочную и первый раз в жизни выпил две рюмки водки, закусив высохшими до картонной твердости бутербродами с килькой. Когда после блуждания в сумерках я вернулся домой, тетя Поля встретила меня нейтральной полуулыбкой и сказала, что у нас гость.

В гостиной в кожаном кресле сидел солдат с красными погонами. Я узнал Гришку Снесаря.

– Привет, Петро. Если бы я не был в форме, меня не пустил бы охранник внизу. Хорошо выглядишь.

– Почему ты, скотина, не писал? Почему не звонил?

– Прости, обстоятельства, брат. Мама умерла, из института выперли за драку. Потом армия, занимался радиоперехватом в тьмутаракани.

– Ты в отпуске?

– Что-то в этом роде. Приехал поступать в Военный институт иностранных языков.

– Куда, куда?

– В ВИИЯ. Он в Лефортово.

– Занятно. Ну что же, будем поступать вместе.

– Как? Мне Полина Силовна сказала, что ты в Строгановское училище нацелился.

– Отпадает. Художник – несерьезная профессия.

В понедельник утром я отправился в институт сдавать документы, ехал до станции метро «Бауманская», дальше – трамваем в Лефортово. Отец был в командировке в Болгарии, не думаю, чтобы он стал меня отговаривать.

Столько лет прошло, а я хорошо помню тот день. С утра было жарко, поливальные машины обдавали мостовые водой, в веерах брызг на мгновение возникали радуги. На перекрестках улиц торговали газировкой, разноцветные цилиндры с сиропом ярко отсвечивали на солнце. И как-то особенно хороши были девушки в легких платьях. Рабочий люд схлынул, пассажиров в трамвае немного, о мутное стекло

упрямо бился крупный шмель, тревожно пахло духами. И этот запах, и шмель, с зудящим звуком соскальзывающий со стекла, навсегда запечатлелись в памяти.

Институт я разыскал без труда. За железным забором угрюмо проступали старые казармы, за ними, в глубине двора, виднелись две современные многоэтажки.

Документы у меня принял гладковыбритый лысый майор. Когда я сказал, где работает мой отец, майор коротко глянул на меня и сделал пометку в блокноте. Как потом выяснилось, среди абитуриентов было много сыновей крупных военачальников и партийного руководства.

Абитуриенты, прибывшие из округов и с флотов, сдавали экзамены первыми, гражданские, вроде меня, после них. И я, и Гришка сдали экзамены на «отлично», нас распределили на западный факультет во вторую языковую английскую группу. Снесаря как старослужащего назначили командиром группы. Кроме западного факультета был еще и восточный, куда более многочисленный. Слушателей этого факультета называли коротко – «арабы». СССР в ту пору принимал участие в войнах на Ближнем Востоке – в Египте, Сирии, Йемене. Еще не было ни Афгана, ни Чечни, но «арабы» возвращались из командировок с боевыми наградами, советскими и иностранными. А иногда их доставляли в западных цинковых гробах, которые устанавливали в актовом зале института для траурной церемонии.

До поры мне, вчерашнему десятикласснику, поступление

в институт казалось чем-то вроде забавы, отвлечением от недавней неудачи со Строгановкой. Но когда захлопнулась железная дверь КПП, а меня переодели в курсантские шмотки, я испытал что-то вроде потрясения. Выяснилось, например, что наш институт не отыщешь ни в одном списке высших учебных заведений страны. Более того, из туманных намеков старшекурсников я уяснил, что ВИИЯ – одно из подразделений разведки, замыкающихся чуть ли не на ГРУ. Каких только языков ни изучали в институте! Европейские – понятно, но были еще индийский, амхарский, японский, китайский, фарси и даже иврит. Кроме западного и восточного факультетов, был еще факультет спецпропаганды, на котором учились только офицеры. Кого он готовил, я так и не узнал. Институтом тогда руководил генерал-полковник Антонов по прозвищу Дедок – седовласый старик, герой многочисленных легенд, историй и анекдотов. Порядки в институте царили суровые, уже во время начальной подготовки нам дали понять, что «служба не мед». Строевые и тактические занятия, марш-броски, кроссы в противогазах, плюс все радости казарменной жизни, где каждый твой шаг регламентирован. За полтора месяца из нас вышибли вольный дух. Когда начались занятия, положение не улучшилось. Увольнение в город раз в неделю. Если схватил двойку или нарушил дисциплину, сиди в казарме и не рыпайся. Изменились отношения между людьми. Гришка Снесарь, друг детства, едва ли не брат, в служебной обстановке держался со мной хо-

лодно и сухо. Спуска не давал. Правда, если наказывал меня за нарушение дисциплины, то и сам не ходил в увольнение. Караулы, дневальства, наряды на кухню.

Наконец все потихоньку притерлось, встало на свои места, мы вошли в служебный ритм. Основное – изучение языков. Военными предметами слушателей института особенно не терзали, разве что на кафедре оперативно-тактической подготовки, где преподавали седовласые мастодонты с армейской выправкой. Доставали занятия по физической подготовке, где среди прочего изучались приемы боевого рукопашного боя.

Институт по статусу приравнивался к военной академии, три года в казарме, затем вольная жизнь, москвичи – дома, иногородние в общежитии, которую именовали на западный лад «Хилтон». Нас и называли слушателями, а не курсантами. И все же казарменные годы были скорее курсантскими, когда сплачивается боевое братство. Были и драки, и «темные» устраивали, и в самоволки отрывались ребята, не без того. Уже со второго курса каждый слушатель должен был сдать экзамены на права вождения автомобиля. Документ выдавался только во время командировок и после окончания института, все остальное время они мирно лежали в сейфе начальника факультета. В этом ограничении была своя логика. Учитывая, что факультеты, особенно западный, состояли из сынков начальства, около института нужно было оборудовать специальную автостоянку. Слушатели бы приезжали

на автомобилях, а преподаватели – на трамваях и автобусах. Непорядок.

Слушателей института английских языковых групп регулярно использовали в качестве бортпереводчиков. За пределами Союза все радиопереговоры с землей велись на английском, летчики языка не знали, потому подсаживали нас. Летали в основном в Сирию и Египет. Режим: перелет, отдых и назад, в Крым, Подмосковье. Летали по гражданке, на самолетах Ан-12, Ан-22. Заграничными командировками такие полеты не считались, потому валюту нам не платили, перелеты над Турцией частенько сопровождались встречей с американскими «фантомами»...

Время, время... Неужели все это было? Стоит мне закрыть глаза, как я вижу погруженную в сумрак улицу, голубые вспышки над дугами трамваев вдалеке, строй слушателей, грохот сапог по мостовой и вдруг ударяющая в небо молодецкая песня: «Генерал-аншеф Раевский сам сидит на Взгорье, в правой ручке держит первой степени Егорья!»

3

Что-то особенно щеголеватое есть в венецианских гондольерах, в их тельняшках с широкими полосами, соломенных канотье с красными и синими лентами. Осанка, точные, размеренные движения, тяжелые янтарные капли соскальзывают с лаково поблескивающего весла...

Трудно изобразить на бумаге грацию гондольера, для контраста я делаю зарисовки слегка перепуганных туристов, рассеявшихся в гондоле. Да простят меня Гойя и Босх, я использовал их экспрессивную манеру. Почему-то особенно отвратительно выглядят нувориши из бывшего Советского Союза. Иные нанимают гондолы на два часа и, хлопнув «вискаря», гнусными голосами поют песни...

После окончания института Гриша получил назначение в Сомали, я – в Эфиопию. Военные переводчики – обслуга, технический персонал, низшее звено. Правда, даже крупных военачальников порой брала оторопь, когда ты свободно переходил с английского языка на французский и так далее. Но это вовсе не означает, что после завершения переговоров тебя пригласят за стол, скорее всего, ужинать придется в компании адъютантов, пилотов самолета, водителей – словом, все той же обслуги. Мне удалось повысить свой статус, я за полгода более-менее освоил амхарский язык, чем только

осложнил свою жизнь. Теперь я был, что называется, нарахват. Английский язык знают эфиопы, получившие образование в Европе или Америке, остальные говорят только на амхарском.

Аддис-Абеба – красивый город. Правда, несколько необычно видеть на площадях и улицах столицы портреты Ленина, Маркса, Энгельса, как в майские праздники в Москве. Новый режим декларировал строительство социализма, в городе полыхал «красный террор», людей расстреливали прямо на улицах. Трупы для устрашения подолгу лежали на тротуарах, улицы заполнили молодые вооруженные люди. Советникам, жившим с семьями на арендованных виллах, выдали «калаши» с полным боекомплектом. За вождение автомобиля в нетрезвом виде иностранцам грозил пожизненный срок, а пили в нашей колонии по-черному. Тезис, высказанный руководителем новоявленной республики: «При социализме не может быть прокаженных», обернулся тем, что власти закрыли часть государственных лепрозориев, больные хлынули на улицы, у светофоров совали в окна автомобилей изуродованные проказой руки, требуя денег. Страна жила тревожной, предвоенной жизнью. Не менее взрывоопасная обстановка складывалась и в Сомали, где служил Гриша Снесарь.

Еще слушателем я стал писать заметки для институтской газеты, увлекся фотографией. На день рождения отец подарил мне профессиональную фотокамеру со съемными обь-

ективами. Навыки пригодились. Я мотался по Эфиопии с делегациями, мои фотографии как-то даже попали в хронику ТАСС.

...Нередко добираться до Аддис-Абебы приходилось на перекладных: из Массауа вертолетом в Асмару, дальше – любым из бортов. Если борт эфиопский, нет гарантии, что пилоты не изменят маршрут и посадят самолет на каком-нибудь военном аэродроме. Пару раз я куковал в Дебризейте, ночевал в пустой диспетчерской будке, на крышу которой с лязгом садились грифы, а в зарослях джунглей поскуливали и взвизгивали гиены. Змеи заползали на плоскости самолетов и грелись на утреннем солнышке.

В декабре 1978 года под католическое Рождество я с трудом вернулся в столицу, машину за мной не прислали, пришлось ловить такси, до «гадючника» доехал в сумерки, распахнул дверь своей комнаты. На моей койке спал незнакомый мужик в форме советника. Мерзавец даже не потрудился снять ботинки. Рубчатая подошва сорок третьего размера тускло отсвечивала в свете бра. На стуле около койки лежал кольт сорок пятого калибра. Я потянулся к графину с водой. Незнакомец пошевелился, и голосом Гришки Снесаря ворчливо сказал:

– Только попробуй облить, морду набыю.

Я стянул Гришку за ногу с койки, и некоторое время мы боролись, катаясь по полу, пока друг не провел удушающий прием, и я беспомощно похлопал его по спине. Гриша встал,

включил верхний свет. Я едва не ахнул: лоб друга рассекал рубец с красными точками снятых швов. На левой половине груди, над карманом форменной рубашки тускло отсвечивал орден Красной Звезды.

– Гриш, что это у тебя?

– Орден.

– На лбу.

– Зацепило под Харгейсой. Сомалийские доктора штопали. Без анестезии, суки.

Снесарь расстегнул молнию сумки, извлек виски «Белая лошадь» и две банки консервов.

– Слушай, Григорий, как ты оказался в Аддисе?

– Турнули наших военспецов из Сомали. Ребята, кто уцелел, по домам. А меня сюда на усиление кинули. Вы же тут ни хрена не справляетесь.

– Сволочь ты, Гришка. Небось уже старлейскую звездочку отхватил?

– Капитан.

– Ну... А почему я до сих пор лейтенант?

– Служишь плохо. У меня – досрочно. Стопарики у тебя есть?

– Товарищ капитан, а в каком качестве вы изволили прибыть?

– Старший группы переводчиков. Уяснил?

Мы просидели за бутылкой до трех утра. За окном уже начали бубнить горлинки, с улицы доносился монотонный

гул, я глянул в окно – по проезжей части медленно ползли покрытые брезентом кубинские грузовики с боеприпасами. В пустыне Огаден и в Эритрее шли ожесточенные сражения с участием наших военных советников, нашей техники и подразделений кубинских войск, переброшенных в Эфиопию на кораблях советского Военно-Морского Флота. Наш ВМФ также был втянут в боевые действия в Эритрее, корабли артиллерийским огнем поддерживали наступательные операции эфиопской правительственной армии в районе порта Массауа. В ходе боев в Массауа был высажен танковый взвод морской пехоты Тихоокеанского флота. Тем же летом на острове Нокра архипелага Дохлак был заложен пункт материально-технического обеспечения советского Военно-Морского Флота для ремонта и доснабжения наших подводных лодок и надводных кораблей, кроме того, в Асмаре была развернута военно-воздушная база, куда командировали меня на неопределенный срок.

За те месяцы, что мне были отпущены для общения с Гришей, я как бы заново узнал своего друга. Гришка и в школе, и в институте казался мне слишком уж правильным. Он серьезно относился к комсомольским поручениям, терпеть не мог анекдотов с политическим душком, учился истово, словно совершал некое священное действие. Гриша раньше меня вступил в партию, и, похоже, сознательно. Я понимал, что ему придется пробиваться в жизни самому, у него не было такой поддержки, как у меня, и все же...

Война в Сомали обожгла Гришу, но не выбила из колеи.

– В нашем королевстве, Петя, не все благополучно, – говорил друг, сидя на скамейке в пыльном дворе «гадючника». Комнаты офицерского общежития были нафаршированы «жучками», поэтому в нашей келье мы разговаривали только на бытовые темы. – Думаешь, руководители нашей страны не знали, что происходит в Сомали и Эфиопии? На стол послу ежедневно ложились донесения, аналитические справки о положении дел в провинции Огаден, о событиях в Эритрее. Все это уходило наверх, в инстанции. А там – глухо. Как же, Сиад Барре и Менгисту строят социализм! Я – за социализм, но разумный. И вообще, хорошо бы сначала построить социализм в СССР, а потом кормить разного рода авантюристов. А когда жажнуло и в пустыне Огаден началось кровавое побоище, с двух сторон наши советники, наше вооружение, выпускники военных академий воюют друг против друга – это что? На моих глазах сгорел в танке Левка Гриценко из первой английской группы... Давай фляжку, Петро, душа горит.

– Да тут все на виду. Сдадут.

– Плевать я хотел. Амебная дизентерия опасней. Я ведь не пил до поры, а как переболел этой мерзостью, стал прикладываться, помогает. Газеткой прикрой и глотни. За Левку! Да-а, я поколесил по Сомали, красивая страна, народ отзывчивый, особенно те, кто победнее. Как, впрочем, и везде. Баскалия, пересохшие реки, банановые плантации, гигант-

ские черепахи. Роскошные особняки в Могадишо, а рядом каменный век, дикая бедность. Представляешь, есть места, где на ланей еще охотятся с луками и стрелами. Я не верю, что у нас в Генштабе нет аналитиков, способных оценить военно-политическую обстановку на Африканском Роге. Но все решают не они, а геронты.

– Геронты?

– Политбюро в полном составе с послушными министрами.

– Ты даешь!

– Это не я даю, а они, Петька. Разве с самого начала было не ясно, что в Бербере нельзя строить нашу военно-морскую базу? Я ведь там был и все видел. Взлетно-посадочная полоса для тяжелых самолетов, система беспричальной подачи топлива на корабли и суда, грузовые терминалы, военно-морской госпиталь, дороги – миллиарды долларов! И что? Нас вышибли из Сомали, и теперь все это богатство достанется сомалийцам. Не удивлюсь, если скоро там появятся американцы, они-то не спешили вкладывать деньги, зная, что регион нестабилен. Обидно, друг, давай еще по глоточку...

Война в Эритрее набирала силу. В Асмаре был развернут советский медицинский отряд, укомплектованный военными врачами из госпиталя имени Бурденко и окружающих госпиталей. Палаточный городок отряда вместе с мобилизованными эритрейскими госпиталями занимал несколько гектаров. В городе действовал комендантский час, после восемнадца-

ти часов солдаты правительственных войск обстреливали из пулеметов автомобили даже с дипломатическими номерами. На каждом перекрестке стояли блокпосты: зеленые мешки с песком, защищающие пулеметное гнездо, траншеи, из которых торчали зеленые каски пулеметчиков. В Асмаре раньше существовала американская авиабаза. После военного переворота сохранились парк самолетов, капониры, общежитие для летчиков и технического персонала, бар, казино.

Наши летуны обосновались в мрачной, красного кирпича казарме. Первым делом оборудовали русскую баню с шайками и березовыми вениками, которые доставляли бортами из России.

Асмара – город, построенный итальянцами на высокогорном плато. Белые, увитые бугенвиллией виллы, зеленые площадки для гольфа, рестораны, дорогие магазины. Я полгода прокантовался в этом городе-курорте, где днем в пивном баре можно было встретить руководителей Фронта освобождения Эритреи и полевых командиров, мирно потягивающих пиво, а вечером, передохнув, они выходили на тропу войны. При мне повстанцы сожгли ракетами два наших вертолета Ми-8, парочку самолетов Ил-38 и повредили Ан-24. Эритрейцы на верблюдах подвозили ракетные установки, сделанные из блоков НУРС, и шмаляли по аэродрому. Мы отрыли щели, ходили с личным оружием, а кто и с «калашами».

Командировки в Асмару считались чем-то вроде поощре-

ния. Температура днем не поднималась выше двадцати пяти градусов, а горный воздух был настолько чист, что казалось, во рту лопаются ароматные пузырьки нарзана. Куда хуже было застрять в Массауа, на берегу Красного моря. В этом городе-порту ртутный столбик перемахивал отметку плюс сорок пять градусов в тени при абсолютной влажности. Прилететь с группой на несколько часов – одно дело, а торчать месяцами – совсем другое.

В начале мая в Асмару прилетел Гриша Снесарь. Вид у него был озабоченный.

– Ну как ты тут? – спросил он, потирая шрам на лбу.

– Кручусь. Одно хорошо, в баре пиво бельгийское – класс.

Пошли к летунам, они баньку натопили.

– Потом. Завтра тебе предстоит командировка: сопровождать грушников, будете облетывать на «вертушке» границу с Суданом. Вроде бы оттуда гонят караваны с оружием для сепаратов.

Я вздрогнул, у меня похолодела спина. До сих пор не могу объяснить этот приступ страха, острого желания не лететь. Предчувствие? Подлый страх?

– И надолго? – после паузы спросил я.

– Дня на три. Дозаправка на полевых аэродромах. Командировка легкая, страну посмотришь, ее западную часть.

– Понимаешь, я бы с нашим удовольствием... Но завтра должен позвонить отец...

Я врал, ненавидел себя в этот момент и ничего не мог с

собой поделаться.

– Когда звонок?

– Как обычно вечером, часов в десять, когда не так загружена спецсвязь.

– Ясно, значит, полечу я. А тебе будет задание покруче. Лететь с моряками на архипелаг Дохлак, точнее, на остров Нокра. Рекогносцировка. Там, как ты знаешь, будут строить нашу военно-морскую базу. В Асмару возвращаетесь через Массауа, опасный район... Душа не лежит туда тебя направлять.

– Ладно. В первый раз, что ли...

Летели двумя «вертушками». Группа серьезная, руководитель – вице-адмирал, остальные капитаны первого ранга, полковники. Нокра – жуткое место: раскаленная кочка в теплом до приторности море. Единственное сооружение – развалины итальянской тюрьмы, построенной для особо опасных преступников еще при Муссолини. Туда летели из Асмары над перевалом, затем над морем.

Из рассказов Гриши Снесаря я знал, что Бербера в Сомали не сахар, и все же это какой-никакой городок с первичными признаками цивилизации. Нокра – каменная столешница с тремя жалкими кустиками. Направить в такое местечко служить можно либо за серьезные проступки, либо заманить валютой.

Назад возвращались с приключениями. Специалистам потребовалось осмотреть в Массауа портовые сооружения и

место водозабора пресной воды. На чудо-островке Нокра, в дополнение ко всем прелестям, не оказалось питьевой воды, и доставлять ее придется водолеями. Суэта у здания администрации порта не понравилась сепаратистам, и они дали по нам залп из минометов. Замешкайся мы минут на десять, и членов группы рекогносцировки пришлось бы соскребывать со стен развалин. Из-за усилившегося минометного обстрела мы минут сорок не могли вылететь на вертолете в Асмару. Наши морпехи дали ответный залп из танковых орудий, и сепаратисты затихли. Перелет через перевал тоже особой радости не вызвал. Чтобы поднять настроение моряков, командир базы в Асмаре пригласил группу в офицерский клуб, где уже были накрыты столы. Мужики, ясное дело, оторвались по полной, чуть позже к компании присоединились эфиопские летчики. Я не успевал переводить тосты. В самый разгар пьянки в зал протиснулся мой коллега Витя Леонов. Был он бледен, изрядно пьян, из кармана торчала бутылка виски.

– Петя! Сейчас позвонил дежурный... На границе с Суданом сгорел наш вертолет. Все погибли... И капитан Снесарь. Я знаю, вы дружили с детства. Возьми бутылку и выпей. А я тебя подменю.

Я вышел в холл, выпил виски из горлышка и не опьянел.

Самое страшное было разбирать Гришины вещи. К счастью, их было немного, да и отправлять их было некому – у Гриши не осталось родственников. Вертолет взорвался и сгорел на самой границе, обломки рухнули на территории

Судана, обнаружить их не удалось, наверняка не очень-то искали, пришлось обойтись без «груза-200», ограничились имитацией похорон. У человеческой психики немало загадок. В то время у меня как-то выпало из сознания, что лететь вдоль границы с Суданом должен был я, Гришка заменил меня и погиб. Осознание своей вины пришло позже. А тут и меня беда задела своим черным крылом.

Я тогда в очередной раз застрял в Массауа. Сепаратисты сожгли на аэродроме вертолет, у двух других выработался моторесурс, а может, летчики не горели желанием пересекать кольцо блокады. Ходил слух, что у сепаратистов появились ракеты земля – воздух. Желających покинуть Массауа становилось все больше и больше. Раза два в месяц, иногда чаще, бронеколонна – бэтээры, бронемашины, грузовики – по горным дорогам пробивалась через линию фронта. Сепаратисты их почему-то не трогали. Я был оглушен гибелью Гриши, мне осточертел душный порт, где в воздухе витал сладковатый запах разложения, видно, не все трупы удалось вытащить из-под завалов, поэтому добивался, чтобы мне разрешили идти с бронеколонной, и всякий раз налетал на отказ.

Жил в брошенной итальянским миллионером фантастической вилле, напоминающей летающую тарелку, севшую на бетонных лапах в море. С берегом виллу соединял металлический трап с леерами, хозяин, видимо, слегка тронулся на страсти к кораблям, потому в этом странном сооружении

были круглые иллюминаторы, вместо лоджии подобие капитанского мостика, и даже антенна по форме напоминала корабельную мачту. Никелированные трапы спускались в море, место купания ограждено нейлоновыми сетками от акул.

Раньше на вилле жили советские врачи, работающие в местном госпитале по контракту. Вскоре ко мне присоединились два майора из Главного разведывательного управления. Мы сатанели от скуки, по вечерам резались в карты. Город лежал в развалинах, начались перебои с водой и продовольствием, жизнь теплилась в двух-трех магазинчиках и аптеке, принадлежавшей итальянцам, где за смешную цену можно было купить медицинский спирт. Итальянцам не приходило в голову, что спирт можно пить. Майоры наловчились ловить на наживку (тухлое мясо, нанизанное на крючок) огромных морских щук – барракуд и варили из этих чудовищ уху.

Наконец из Асмары прилетела «вертушка». Мне досталось место на полу, рядом с оранжевым баком с топливом. Вертолет с трудом оторвался от взлетно-посадочной полосы и боком, накренившись вправо, пошел на запад, медленно набирая высоту. Мне столько раз приходилось летать по этому маршруту, что я без труда мог представить, что лежит там, внизу, за легкой рябью облаков: сначала зеленое предгорье с квадратами ячменных и кукурузных полей, затем рыжие, с серыми проплешинами скалы, рассеченные глубокими каньонами, дальше и совсем что-то лунное или марсиан-

ское, красное, сизое, голубое. В Асмаре нас ждала прохлада и ледяное бельгийское пиво. Я, по-видимому, засыпал, когда монотонный гул двигателя вдруг рассек сухой треск, по левой ноге полоснула острая боль, стало трудно дышать, последнее ощущение – запах топлива, дальше – темнота. В себя я пришел в светлой комнате, справа на никелированной подставке розовел на солнце пластиковый мешок капельницы. Наверное, я находился в невесомости, потому что доктор в маске и зеленом халате свободно парил надо мной, временами потоком воздуха его сносило в угол палаты, но он, загребая руками, снова подплывал ко мне. Какое-то время я не жил, а когда возвращалось сознание, мое бытие было наполнено однообразными действиями: меня перекладывали на носилки, куда-то везли, потом, судя по звуку, перелет и снова путешествие на поскрипывающей каталке. К жизни я вернулся только в палате армейского госпиталя в Аддис-Абебе. О том, что с нами произошло, рассказал мне сосед по морской вилле майор Коля Чумаченко. Наша перегруженная «вертушка», с трудом преодолев хребет, поплелась на высоте значительно ниже предусмотренной инструкцией. Тут по нам и резанули из пулемета сепаратисты с одного из горных постов. Результат: один убитый, два раненых, пробит топливный бак. Хорошо еще пуля была на излете, отверстие небольшое, и на остатках горячего удалось «вертушку» дотянуть до предместья Асмары. Коле перебило руку, но он быстро шел на поправку, мне повезло меньше – сквозное ра-

нение в грудь и огнестрельный перелом нижней трети бедра.

О том, что дела мои, как говорится, швах, я понял по тому, как забегал персонал. Меня перевели в реанимацию, чьи-то нежные руки приложили к губам пахнувший резиной рас-труб, в легкие стала затекать холодная, с острыми пузырька-ми вода. Палата заполнилась зеленым светом, впрочем, ка-жется, я лежал не в палате, а на дне бассейна, отделанном белым кафелем. Рядом со мной присел Гриша Снесарь, на нем было выгоревшее хэбэ и кирзовые сапоги. В такой фор-ме в институте мы участвовали в тактических учениях.

– Ты не мандражируй, – сказал Гриша, поглаживая шрам на лбу, – там так же, только спокойней.

Гриша исчез, и все пространство палаты заполнили отвра-тительные мохнатые пауки, они бегали по моему распростер-тому телу, я ощущал уколы их острых коготков. Затем бес-памятство, темнота, даже не темнота, как бы серая предрас-светная муть, наполненная надоедливый, монотонным гу-лом. Нет, я не видел ни черного туннеля, в конце которого голубело круглое отверстие, не испытал ощущения полета и понял, что умираю по снизошедшему на меня покою и чув-ству абсолютной свободы. А когда я очнулся в реанимаци-онном отделении Центрального военного госпиталя имени Бурденко, первое, что испытал, – сожаление – жизнь возвра-щалась ко мне. Меня перевели в одноместную палату для тяжелых больных. И всякий раз, выныривая на поверхность медикаментозного сна, я видел перед собой усохшую, сог-

бенную фигуру тети Поли, дремлющую в кресле, реже – отца в белом халате и не испытывал к ним никакого чувства. Нас разделяло нечто. Что именно, я не мог объяснить, проще говоря, я еще был там, а они здесь.

В Москве стояла влажная духота, в открытую форточку залетал тополиный пух. Я постепенно возвращался к жизни, с обостренной зоркостью наблюдал за тем, что происходит в травматологическом отделении. Рана в груди зажила быстро, а вот бедро доставляло немало неприятностей. Огнестрелов в ту пору в госпитале было мало, я оказался в центре внимания. У меня через день дежурила тетя Поля, заезжал отец, говорили мало, однажды появился генерал – начальник госпиталя, с ним еще два генерала, и мне прямо в палате вручили коробочку с орденом Красной Звезды. Внешне я выздоравливал, шустро скакал на костылях по госпитальному парку. Меня не беспокоило пробитое легкое, да и нога стала заживать, а вот в образовавшейся за грудиной пустоте поселилось тупое, холодное равнодушие. Как жить дальше я не знал. Одно ясно, меня комиссуют. Кому нужен хромой переводчик? И служить я больше не хотел. Снова участвовать в «неизвестных» войнах? Во имя чего? Гриша был прав: правители страны утратили ясность ума и потеряли контроль над ситуацией. С отцом я на эти темы не говорил, он курировал в ЦК легкую промышленность, но, как ни крути, все равно был функционером со Старой площади. А тут еще меня навестил однокашник по институту Гоша Симонян. Гоша из

«арабистов», заканчивал Академию Советской Армии, готовился стать разведчиком. Мы, укрывшись в одном из уголков госпитального парка, распили бутылку армянского коньяка, разговорились.

– Вокруг Афганистана началась нездоровая возня, – сказал Гоша. – Есть информация, что американцы хотят в Афгане установить в горах ракеты, чтобы контролировать значительную часть нашей территории. Если так – то это война. Все это выглядит очень странно. Я дважды побывал в командировке в Афганистане. Наши границы почти не охраняются, афганские и наши пограничники ходят друг к другу в гости чай пить. В стране работает много советских специалистов – инженеров, врачей, учителей, и народ к ним относится хорошо. Нет, нам не нужна эта война. Говорю это не потому, что мне светит Афган. Зачем воевать с соседом, который к тебе хорошо относится?

Сколько раз потом я буду вспоминать этот разговор. Вскоре началась война, Гоша угодил в самую мясорубку и вернулся в родной Ленинкан в виде «груза-200». А затем небо над Афганом и вовсе померкло, солнце затмили крылья транспортных самолетов с поэтическим названием «Черный тюльпан», развозящих по всей стране гробы с русскими парнями, до конца выполнившими свой «интернациональный долг».

Я провалялся в госпитале два месяца.

Война преследовала меня в снах, видениях, воспоминаниях – ярких, отчетливых, фрагментарных.

...Вот мы несемся на джипе мимо белых каменных оград, увитых бугенвиллией, за оградами брошенные виллы, зияющие черными провалами окон. Посреди зеленого поля для игры в гольф по башню врыт танк, выкрашенный в желтый пустынный цвет. Узкие улочки, косые тени от развалин, в одном из уцелевших домов порта Массауа открыт магазин экзотических морских редкостей. В глубине магазина из застекленных шкафов тарашат глаза рыбы-ежи, белеют пирамиды кораллов, отливают перламутром раковины. Лиловое чучело меч-рыбы укреплено под потолком, на небольшом подиуме замерли морские черепахи. Только что сепаратисты обстреляли улицу из минометов, и в распахнутую дверь затекает кисловатый запах тола. Дом старый, с толстыми стенами. Мы все же успели заскочить в магазин, наш джип лежит на боку, задние колеса вращаются, по мостовой растекается темная лужица бензина. Секунда-другая – и рванет. Морской пехотинец майор Деревянко, тучный, кривоногий, снимает продырявленный осколком берет и сиплым баском спрашивает хозяина:

– Синьор, джин, виски уес?

– Уес, уес! – радостно откликается хозяин магазина, ста-

рик итальянец, и достает из холодильника бутылку джина «Олд мен». Стаканов нет, взрывной волной перебило всю посуду. Удивительно, что в городе еще есть электричество.

– Мужики, что вы как неродные? – удивляется Дервянко. – Давайте из горла. Считай, заново родились...

Меня бьет озноб... Пока мчались вдоль портовых складов, было не страшно.

...Вертолет, окутанный дымом, накренившись, уходит в сторону моря. Черный дым, голубизна. Кранты, братцы! Поддуть спасательные жилеты. Сквозь плексиглас виден силуэт нашего тральщика. Прыгай! Вода, мысли об акулах. Трупы избаловали акул. Вертолет шипит, тонет... Пилот вытаскивает «макарыча». Огляделся, нет ли тварей. Шлюпка, поднимают на борт тральщика. Рассказ замполита о сражениях советских кораблей в Красном море.

...Горячий песок затекает в траншею, питьевая вода во флягах закончилась, лица у офицеров рекогносцировочной группы покрыты шевелящимися масками – это маленькие серые мухи, отгонять их бесполезно, они повсюду, словно рождаются из праха. Ветерок доносит характерный трупный запах. Единственное сооружение на острове Нокра – итальянская тюрьма, точнее, ее развалины. В них размещен взвод эфиопских правительственных войск, среди солдат полыхает эпидемия желтухи, по утрам слышен лязг – санитары пытаются кирками выбить в каменистой столешнице острова подобие могилы. Из дымки, зависшей над Красным морем,

возникает силуэт морского буксира. Я подношу бинокль к глазам и вижу наш флаг. Слава тебе, Господи! Первое, что я сделаю, ступив на борт буксира, выпью ведро воды...

...Южный Йемен. Ночь. Нас четверо. Мы пересекаем взлетно-посадочную полосу. У здания аэропорта, прямо на земле, белеют фигуры бедуинов, устроившихся на ночлег. У каждого в изголовье транзистор, восточная мелодия уносится вверх, теряясь между звездами. Где-то в отдалении кричит ишак.

...Ан-24 завис над Средиземным морем. Внизу – Турция. Я сижу на разножке рядом с радистом в выгородке кабины пилотов. Колпак искрится на солнце, а в промежутке между облаками вспыхивает и гаснет море, оно то голубое, то серое, в мутных пенистых разводьях. Пилот в солнцезащитных очках спокойно говорит: «Слева – истребитель». Точно, «Фантом», старый знакомый. И что ему, суке, нужно? Пилот истребителя машет рукой, улыбается – белозубый негр. Наш второй пилот показывает ему дулю...

Я пробовал пить водку – не помогло, кошмары и вполне реальные видения продолжали преследовать меня. И тогда я стал рисовать, переносить весь этот бред на бумагу и сразу же почувствовал облегчение. Я работал в смешанной технике: тушь, перо, карандаш, пастель – все это ложилось на заранее нанесенные акварельные пятна. Из пестрого хаоса начинали проступать гавань Массауа, в которой тонул дымящийся вертолет, а справа от причала, задрав к небу ржавый

киль, лежала на боку королевская яхта. Особенно часто повторялся мой автопортрет в полукружии прицела крупнокалиберного пулемета.

Миновала тихая осень, за ней серенькая бесснежная зима, а вот весна вышла бурная, с обвальными дождями, громовыми раскатами и буйным кипением сирени.

Осень и зиму просидел дома, выбираясь на редкие прогулки. Отец купил мне велотренажер, и я ежедневно совершал велогонку «Тур де Франс» в нашей квартире с обшитыми дубовыми панелями стенами. Иногда от боли темнело в глазах.

Тетя Поля подарила мне элегантную трость, какие были в моде у щеголей в начале века. Трость принадлежала ее отцу. По легенде это произведение искусства, изготовленное в Берне (есть табличка), доктору Морозову преподнес сам красный нарком Семашко.

Меня комиссовали, районный ВТЭК отвалил третью группу инвалидности и назначил смехотворную пенсию. Тяжело ощущать себя инвалидом, когда тебе нет и тридцати. Папка с рисунками распухла, бредовые видения отошли в сторону и лишь изредка напоминали о себе. Я попробовал рисовать карикатуры, отобрал несколько листов и отнес в «Крокодил». Меня принял рыжий парень в клетчатой рубашке и заношенных джинсах, назвался Димой. Он быстро просмотрел рисунки, пощелкал пальцем по пухлой, отвисшей губе и изрек:

– Клево! Без дураков! Учился где-нибудь?

– В инязе.

– Опа на! Английский? Французский?

– И то и другое. Я – военный переводчик.

– Фельетоны пишешь?

– Не пробовал.

– Короче, твои карикатуры я сейчас сволоку к главному, жди звонка.

Честно говоря, я не верил в удачу, но на другой день в десять утра зазвонил телефон. Звонили из «Крокодила», и веселый женский голос спросил, не мог бы я по возможности срочно приехать в редакцию на беседу с заместителем главного редактора журнала.

Я вызвал такси и минут через тридцать был в приемной. Заместитель главного, человек средних лет, поздоровавшись, спросил:

– Давно рисуете?

– С детства. Попытался поступить в Строгановку – прокатили. Стал военным переводчиком.

– Бывает. – Заместитель главного показал на трость доктора Морозова:

– Бытовая травма?

– Скорее, боевая. Командировка в Эритрею. Там война.

– Понял. Это не повредит нашему творческому сотрудничеству. Словом, мы хотим предложить вам работу, пока внештатную. Курьер будет доставлять вам редакционное зада-

ние, забирать сделанное. Так что вам не придется мотаться по Москве с раненой ногой. А там посмотрим. Как?

– Я-то согласен, а вот получится ли?

– Получится. Рука у вас есть, и глаз острый. Подзаголовки к тексту, фельетоны будет сочинять Дима Барышев. Вы встречались, рыжий такой. Вы сработаетесь. Кстати, ваша инициатива только поощряется.

Домой я вернулся в приподнятом настроении. Тетя Поля готовила отца в командировку – в гостиную посапывал уютно. Отец, видно, только из душа, с влажными, зачесанными назад волосами просматривал газеты. Глянув на меня, с удивлением спросил:

– Что это ты светишься, сын? Влюбился?

– Какое там. Взяли внештатником в «Крокодил», художником-кариатуристом.

– Значит, профессия все же нашла тебя. Ты теперь художник, тебе нужна мастерская, да и вообще человек взрослый... Гости, наконец, женщины. Завтра тебе позвонит Леонтьев Николай Иванович, поедешь с ним, посмотришь однокомнатную квартиру в Учебном переулке. Это где-то в Хамовниках, я плохо знаю тот район. Жить по-прежнему будешь дома, в Хамовниках – мастерская и что-то вроде ЗКП.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.